

По благословению
митрополита
Казанского и Татарстанского
ФЕОФАНА
(Ашуркова)

Раифский АЛЬМАНАХ

**Учредитель
и издатель:**

православная религиозная организация
Епархиальный Раифский
Богородицкий мужской монастырь

Главный редактор:
О.М. РОМАНОВА

Адрес редакции и издателя:
422537, Раифский монастырь,
п. Раифа, Зеленодольский р-он, РТ

E-mail: raifa@raifa.ru
<http://www.raifa.ru>
Тел. (84371) 3-47-59

К Л Я Н Я Я

Т Е М А

выпуска 2019

Открытие
музея истории
Раифского Богородицкого
мужского
монастыря

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви.
Свидетельство N 167
от 6 октября 2011 года

О+

4 сентября 2019 года, в день чествования иконы Божией Матери «Грузинская», в Раифском Богородицком мужском монастыре после праздничной Божественной литургии состоялось открытие полной экспозиции исторического музея обители. В торжественной церемонии принимали участие викарий Казанской епархии епископ Елабужский Иннокентий, наместник Раифского монастыря игумен Гавриил (Рожнов), духовенство Казанской епархии, братья обители.

ИГУМЕН ГАВРИИЛ:

«Наш музей создан по благословию митрополита Казанского и Татарстанского Феофана. Башня, в которой расположен музей, тоже является экспонатом. Построена она ориентировочно в 1690 году. Строители отремонтировали здание и усилили фундамент. Оформлением экспозиционных площадей занимались специалисты из дизайнерской мастерской Сергея Насекина „Айбат“. Благодаря им в нашем музее имеются интерактивные приложения, инфоматы с картами, историческими справками и архивными фотографиями обители».

Работы по созданию музея продолжались около года. За это время строители полностью отреставрировали здание. Винтовая лестница ведет посетителей по всем трем ярусам экспозиции, рассказывающим о разных исторических эпохах.

На первом этаже находится часть экспозиции, рассказывающая о создании монастыря; на втором — о жизни обители в XVII—XVIII веках. Третий этаж занимает часть экспозиции, посвященная разорению обители. Последний уровень посвящен возрождению монастыря. Здесь можно увидеть фотографии, запечатлевшие тот период, и услышать рассказ о первом наместнике возрожденной обители — почившем архимандрите Всеволоде. Здесь же располагается выход на смотровую площадку, с которой видно весь монастырь.

ИГУМЕН ГАВРИИЛ:

«Экспонаты для музея собирали с самого начала восстановления обители. Что-то находилось тут же, на месте, что-то приносили люди. Много времени в архивах провела монахиня Серафима, которая по крупицам собирала всю информацию, которая касалась Раифского монастыря. Здесь и уникальные копии документов из Госархива и Национального музея РТ, панagia XVII века из монастырской ризницы, старинные богослужебные книги, облачения, фотографии и многое другое».

Музей Раифского монастыря работает ежедневно с 10:00 до 17:00. Посещение бесплатное.

1

наследие

стр. 8

2

истоки

стр. 86

3

экскурсы

стр. 110

4

церковь

стр. 148

5

публицистика

стр. 182

ПУТЕШЕСТВИЕ
в Раифскую Пустынь
в Казанской
епархии. 1830 год

стр.12–85

по рукописи
архимандрита
Даниила
(Сивиллова)

Для удобства чтения
дореволюционная орфография
сохранена Раифская Пустынь.
Конец XIX века лишь частично

1
наследие

наследие
ПУТЕШЕСТВИЕ
В РАЙФСКУЮ
ПУСТЫНЬ
В КАЗАНСКОЙ
ЕПАРХИИ

**Архимандрит
Даниил (Сивиллов),
1798-1871**

**Настоятель Троицкого Селенгинского монастыря,
член Русской Православной миссии в Китае.
Из Александро-Невской семинарии, иеромонах,
член миссии в Китае (1819-1831), архимандрит, настоятель
Московского Златоустовского монастыря (1831), настоятель
Казанского Предтеченского монастыря и профессор Казанского
университета (1837). В 1842 году был избран в действительные
члены конференции новооткрытой Казанской духовной академии.
1863 год – настоятель Ростовского Борисоглебского монастыря
Ярославской епархии. отошел ко Господу 1 января 1871 года.**

Подобие Чудотворной иконы Грузинской Божией Матери,
находящейся в Райфской Богородицкой пустыни.

ОПИСАНИЕМ ее в древнем и новом состоянии, основанном на свидетельстве исторических преданий, обогащенным разными топографическими и другими замечаниями.

I. ПРЕДМЕТЫ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ НА ПУТИ ОТ КАЗАНИ ДО ПУСТЫНИ. ПОЛОЖЕНИЕ ДОРОГИ

Данное желание побывать в Раифской Пустыни, которое у меня доселе лежало на сердце, наконец-

то исполнилось. Июля 2-го числа в 5-ом часу по полудни я отправился в путь. Лишь только переправился я через мост реки Казанки, быстро несущей воды свои на запад и извивающейся по северную сторону города Казани, как уже начали пробуждаться в душе моей разные приятные чувствования, возникающая из-за обозрения различных красивых видов, окружавшие меня со всех сторон. В правой стороне представлялся взорам моим Кизический монастырь со своей высокой новой колокольней, сосновой рощей, осеняющей его с севера-востока, и часовней с юга; а с левой – на

берегу реки Казанки возвышался в коническом виде с колоннами кругом и церковью внутри великолепный памятник, сооруженный для поминовения православных воинов при взятии Казани за веру и отечество живот свой положивши – памятник приличный христианству, достойный сынов отечества. За ним в расстоянии более одной версты величественно возносился на своем заветном холме Зилантов монастырь, омываемый извивающейся около его рекою Казанкой и осеняемый развесистыми вязами, растущими в уродливом виде около его ограды. Не менее того занимало мой взор и то полукружие, которое образует

собой Адмиралтейская слобода, объемлющая эту обитель с южной стороны, как и напротив ее на другом берегу реки Казанки подгородное село Ягодное, украшенное многими домами богатых с красивыми садами из-за него. Впереди виднелись на одной возвышенности строения знаменитого Казанского порохового завода, поставленного в ряд, лицом на запад, в виде башен, с домом начальника сего заведения. Отседа по скату той же возвышенности начинается уже дорога, собственно пролегающая в Раифскую Пустынь.

Паломники у стен монастыря. 1879 год

Казанский кремль.
Конец XIX века

ВИД НА КАЗАНЬ ИЗ-ЗА ПОРОХОВОГО ЗАВОДА

Двигаясь вперед, я несколько раз оглянулся на Казань. С разных точек положения дороги она казалась мне как бы некоторым огромным паникадиллом, висящим под небосклоном, и попеременно то вверх приподнимающимся, то вниз опускающимся, следуя различной положению дороги. День стоял ясный, тихий, дорога шла гладкая и после дождей не пыльная; от этого встречающиеся на пути леса и луга, испещренные различными цветами, еще больше блистали яркостью, а сердце упоилось тем живым чувством радости.

При вступлении в глубину лесов, по сю сторону Волги, равноотражающуюся на север и восток, я наслаждался новыми предестями видов, открывающихся предо мной с запада Заволжская горы, подернутая синью, как бы по которым тонким лектием, выказывая из-за леса изгибистые хребты свои, развивали предо мною весьма очаровательную картину; а на северо-востоке растилась беспредельная даль, покрытая разнородным мелким, но частым лесом – другое наслаждение для зрения, любящего смотреть на даль, как она постепенно ускользая

из вида, преобразуется наконец в облако с ношею своих дальних жителей. Почти на половине пути близ дороги влево тихо колыхалось от слабого ветерка Лебяжье озеро, так прозванное от множества лебедей, слетавших сюда в весеннее время выводить своих птенцов, когда оно здесь представляло им более безопасное для сего убежище место, нежели в настоящее время. Ибо сие иностранные гости, хотя посещают ныне воды сего озера, но не остаются на них долго, а отлетают выводить новое племя на другие подобные места, более уединенные и спокойные, нежели окрестности Лебяжьего озера, часто возмущаемая человеческой стопою. Позади сего озера рядом влево них забытое другое, которое слывет под названием Карасевого озера, вероятно потому, что в нем преимущественно ловится сего рода рыба. Сие последнее озеро отличается от первого превосходством своего места положения, хотя уступает ему в пространстве, какое оно занимает в своем объеме отлогия горы, покрытая густым лесом, тянувшейся по ту сторону сего водохранилища длинными рядами, состоящего наилучшее его украшение, и своими скатами, упадающими к самым водам его, образующее род набережной, по которой роскошно

разраслась пушистая зелень, горящая различными цветами.

КАЗАНСКИЕ ДУБРАВЫ

С продолжением дороги вглубь начинает приметно увеличиваться. Не доезжая до пустыни верст 15-ть, воздымаются по обеим сторонам дороги вековые дубы, как некие исполины, в разных положениях и видах, напоминающие собой древние, темные Казанские леса – жилище диких зверей и народов. Ныне же среди сих некогда страшных и непроходимых лесов пролегают в разных местах обширные равнины, покрытыя лугами или засеянныя хлебом; а то того густота их гораздо веселее, уже не носит на себе того страшного вида дикости, которым она омрачалась в древности. При том частые села и деревни сообщали сему краю больше жизни и улучшении в земневодческом отношении, хотя, с другой стороны, нельзя не пожалеть, что он много лишился своего богатства от ощутительного потребления своих лесов.

На правой стороне от дороги, неподалеку от монастырских лесных дач, поднимаюсь по крутому косогору деревни Осинава. При начале слева виднеется широкое озеро, отделяемое от дороги длинным и глухим оврагом.

Отселе проехать вперед несколько верст, либо уже начинается принадлежать монастырю. Сосны и ели, как господствующие деревья в этом лесу, особенно привлекли на себя внимание. Первые услаждали зрение своею кудрявостью, а вторые своим пирамидальным видом, а вместе то и другое, проливая повсюду свой бальзамический запах, очищали воздух от вредных испарений и сообщали ему свою целебную силу. Дорога чем дальше, тем приметнее становилась ее

покатость вперед. Солнце уже склонялось к закату, как я вступил на этот остаток дороги, и яркими лучами проникая сквозь чащу дерев, рисовало среди их различные узоры теней, а птицы вдали и вблизи резво порхая с ветви на ветвь или весело качаясь на них, громко пели благодартвенную песнь в честь сему великому светлomu дню, сопровождая его в разверстые врата небесного запада. Так богато одетый зеленью лес делал приятную свободу зрению, наслаждаясь его красотою; так щедро источающееся из обилия жизни сего природой, проливало чувству обоняния свое животворное благоухание; столь стройное пение пернатых, в разных звуках напевов отрадno ударяло в орган слуха своим благозвучием; словом, божественное оживленное торжество летней природы, своим цветущим великолепием, заставляло охотно забыть все минувшее и наслаждаться одним настоящим, и вместе с нею возносить песнь благодарения ко всеблагому Творцу, что Он так премудро и великолепно устроил обитаемый нами мир, и что кроме того, Он столь же дивно образовал его такими органами и чувствами, посредством которых человек всегда может быть способен воспринимать в себя все образы видимого творения и обращать земныя блага к своему наслаждению.

ВИД РАИФСКОЙ ПУСТЫНИ ПРИ ПОДХОДЕ К НЕЙ

Между тем, как я был занят такими размышлениями, вдруг предо мной открывается обширная поляна, окруженная со всех сторон лесом. Раифский монастырь, занимающий средину на этой поляне, представился моим взорам, как некий уединенный замок. Красивые храмы, воздымая из-за стен ограды его и куполы и главы с блистающими на них крестами, извлекали из глубины сердца благоговейное удивление; высокие башни, расставленные по углам и другим частям монастырской ограды, придавали ему какое-то необыкновенное величие и вместе скромное приятное благолепие. С южной же стороны ограды переливалась в пурпурных струях монастырское озеро, в водах которого еще играли в златистых отливах блестящие лучи заходящего солнца. Длинные тени в разных видах и с разных сторон падали с окружающих предметов и слались длинными грядами. Когда я начал перебираться через мостик речки Сербулака, вытекающей с северо-восточной стороны леса на поляну и впадающей на южной в озеро, настала такая всепоющая тишина, что, казалось, вся природа, прекратив вечное действие дневное, предалась повсеместному покою наступающей ночи.

Среди такого глубокого безмолвия спокойно проезжая вдоль протока, выпадающего из того же озера с западной его части, я благополучно совершил путь свой до монастыря и въехал во двор с северной стороны ограды с двойными проездными воротами, которые тогда стояли еще отвертыми. Здесь я встретил настоятеля монастыря, который принял меня со всеми знаками услужливого страннолюбия, тотчас велел отвести для моего пристанища особый покой в

одной башни, стоящей на южной стороне монастырской ограды. Я и остановился в намерении провести в сей обители несколько дней и принять некоторую отраду для духа, а на досуге заняться и обозрением зданий Пустыни, и вообще описанием ее основания и возобновления с разными историческими и топографическими замечаниями, какие буду находить приличными и нужными к помещению в состав сего сочинения.

II. ОБОЗРЕНИЕ МОНАСТЫРСКИХ ЗДАНИЙ, ВНУТРИ ОГРАДЫ НАХОДЯЩИХСЯ

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ. ИКОНА ГРУЗИНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

На другой день, вставши по утру, пошел я в церковь, в которой отправлялась божественная служба. По окончании оной и поклонений иконы Божией Матери, именуемой Грузинской, я остановился перед нею, дабы осмотреть святой ее лик и убранство ризы. Тусклость красок и старинное иконописание художество, хотя показывали ее древность, однако ж не уменьшали, но тем полнее увеличивали ее достоинство и важность. Рассыпанная жемчугом и разными драгоценными камнями, подобно, как и венец, вызолоченный и убраный такими же камнями, убранство довольно богатое и красивое. Она занимала первое в иконостасе место с левой стороны царских врат, вставлена в раме за стеклом, пред ней горела серебряная вызолоченная спускная лампадка с елеем. Размеры ее можно примерно определить в 6 или 7 дюймов в длину и около 5-ти в ширину. По оценке ювелиров, стоит около 10000 рублей, которая в 1830 году

тщаниями нынешнего настоятеля архимандрита Амвросия и трудами Казанскаго женскаго монастыря игумении Евпраксии вновь перенизана с большим против прежнего искусством и прочностью.

АЛТАРЬ

Здесь стены расписаны разными священными изображениями, равно как и своды потолка, для взгляда не противно. Свежесть красок и качество живописи доказывали новост сего расписания. Главный престол освящен во имя Святой Троицы. За сим оставалась предметом моего обозрения настоящая церковь. Остановившись в ней, я первое внимание обратил на иконостас. Устроенный в новом виде и простирающийся до самых сводов потолка, притом отличающийся хорошею живописью святых икон в новыином вкусе и вызолоченный резьбой на полименте. Этот великолепный Алтарь по истине придавал сей части церкви и нарочитое украшение. Здесь стены, так же как и в Алтаре, расписаны разными Евангельскими притами на масляной краске. Из центра свода свешено медное высеребренное паникадило средней величины. За правым и левом клиросами поставлены удивительной работы и величины киоты с разными Богородичными и другими иконами

святых, украшенные в приличных местах резьбой и позолотой. Далее следовала рассмотрению Трапеза. В этом отдаленном месте церкви главное украшение составлял Святитель Димитрий, Митрополит Ростовский, Чудотворец, устроенный с левой стороны, а на правой стояла киота с разными иконами святых. Придельный иконостас новой работы, вызолоченный по резьбе, украшался сверх того святыми иконами довольно красивой живописи. Но стены здесь выкрашены просто зеленой краской под мрамор на клею. Наконец, в заключении обозрения внутренности сей церкви, взглянул на паперть, пристроенную к ней со входа довольно значительной возвышенности от нижних ступеней крыльца и покрытым железом овално. Наружный вид этой церкви представлялся обыкновенный четырехугольник, если выключить из того отделения Алтарь и Трапезы с папертью, на котором верх без купола, кругообразном пьедестале и покрыта в отличии зеленой черепицей, между тем как на всей церкви кровля по железу выкрашена зеленой краской.

ТЕПЛАЯ ЦЕРКОВЬ

Рядом с холодной Троицкой церковью в расстоянии сажен до 10-ти стоит теплая церковь,

здание также каменное. В ней главный престол освящен во имя Преподобных отцев в Синае и Раифе избиенных; от чего и самый монастырь получил название Раифского. Наружный вид этой церкви полуготический, довольно красивый, хорошо поддерживаемый, по всему должен бы обещать и внутреннее благолепие, соответствующее внешнему с украшенью. Напротив того, внутренность далее уступает внешности; так что из внимательного обозрения внутренности оказывается, что вся эта церковь находится почти в совершенно развалившемся состоянии, и надобно дивиться, как еще и доселе доблесть духа продолжать в ней служение в зимнее время! В Алтаре, кроме низких сводов и такой же арки в царских дверях, стены снизу и доверху изъязвлены столь глубокими трещинами, что в последствии по необходимости принуждены были подпереть своды Алтаря двумя деревянными столбами, поставленными по обеим сторонам царских дверей. Эта часть церкви, несмотря на свою особенную важность, оставлена без всякого почти внешнего украшения, кроме необходимых для служения предметов.

Раифская Пустынь.
Конец XIX века

Настоящая же церковь, хотя менее других частей, потерпела от повреждения трещин, и более прочих представляло красоты в первоначальном своем расположении; однако ж и она лишена же потребного убранства. Стены не раскрашены и покрыты копотью. Но трапеза, кроме подобной обнаженности внешнего благолепия, в ней своды слишком пологи и широки; ибо с левой стороны пристроенный придел и освященный во имя Святителя Евфимия Архиепископа Новгородского Чудотворца, соединив с общею трапезою вокуплен вместе с сводом трапезы; чтобы у нее было несколько должное благообразие, но и всегда угрожать падением. Стены поражены во многих местах значительными трещинами. К проведению сей церкви в столь жалостном положении немало содействовало устройство над настоящей и Алтарем другого этажа, в котором некогда освящена была церковь; но как увидели, что нижняя церковь оседает и распадается, то и упразднили ее. Главнейшая же причина такого повреждения сей церкви, как и других многих зданий монастырских, заключается в слабом грунте земли, на котором основано все монастырское

строение, а отселе становится теперь ясным, почему эта церковь во внутреннем своем положении оставлена без особенного украшения; ибо тщетны были бы труды, напрасны издержки, если бы и стали заботиться о проведении ее в приличное благолепие.

КОЛОКОЛЬНЯ

В связи с теплой церковью и одинаковой с ней архитектуры, сооружена колокольня. Ход на нее проведен из паперти со входа левой стороны, а на правой продолжается коридоров для хода в келии. В них помещаются преимущественно такие послушники, коим поручается пономарская должность. Колокольня, такая же, как и теплая церковь, покрыта листовым железом и выкрашена одинаковой в ней зеленой краской. В обычае у русских определять достоинство колоколен высотой, но у Раифской колокольни высота умененная. Любопытство завлекло меня совершить путешествие наверх, где бьют колокола. В числе семи колоколен разной величины и звона, развешенных по окнам, самый большой, занимающий середину и место родоначальника, весит 150 пудов, слитый, впрочем, недавно. Вообразите, сколь приятно здесь слышать звон колоколов, разливающейся по окрестностям

Пустыни, где некогда раздавался страшный рев диких зверей и царствовала мрачная глушь в дебрях ее; сколь также пленительными отсюда представлялись и самые виды, устремляющиеся сюда со всех сторон, как радиусы к своему центру, со всем разнообразием дали! Чтоб видеть эту картину, стоит того, чтобы потрудиться преодолеть трудности узкого пути, ведущего наверх колокольни! Не знаю, надобно ли здесь вспомнить и о другом узком пути? По крайней мере, мне кстати вспомнилось здесь о нем, когда стал спускаться на низ по крутым спускам среди густой темноты и узкости хода. После того, как я сошел с колокольни и вышел на двор, обратил на себя мое внимание один столбик, одиноко стоящий посреди двора неподалеку от колокольни и огороженный кругом оградкой из балясин. Это солнечные часы, довольно чистой тульской работы, утвержденные наверху столбиком и накрытые стеклянным чехлом для защищения их от сырой ненастной погоды. Они, как известно, постоянно измеряют течение времени в солнечные ясные дни и никогда не изменяют верности своего долга. Но лишь только солнце закроет лицо свое, тотчас пропадает на них тень, и они тогда прекращают свое действие.

РИЗНИЦА

Обозрение ризницы монастырской отложил я до другого времени, предполагая, что она снабжена довольно значительным количеством вещей; а потому и требует продолжительного занятия при обозрении. Но опыт далеко не соответствовал моему ожиданию. Несколько служебных облачений, не слишком, впрочем, богатых, униженных жемчугом, и напоминающих жертвы усердной древности к благолепию церковному; далее немного перемен риз, подризников и стихарей со своими приборами новейшего устройства и материй, составляли полное собрание священных одеяний. Наконец, две или три перемены церковных сосудов с некоторою другою утварью разного достоинства и величины довершали остальное богатство ризницы. В числе прочих вещей ризницы, показывали мне две Архимандричьи шапки, одну шитую серебром и золотом, а другую – шитую золотом по фиолетовому бархату. Кроме сосудов и другой металлической церковной утвари, хранимой в Алтаре холодной церкви в особом ящике, все прочия вещи, принадлежащая к разным одеяниям, уложены в шкаф и хранятся в старой теплой церкви; ибо прежнее ризохранилище в ней разобрано, которое потом устроено в новом храме.

ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ ИКОНЫ ГРУЗИНСКОЙ БОГОМАТЕРИ

Напереди двух старых церквей, холодной и теплой, неподалеку от Восточной монастырской ограды, воздвигнут новый теплый храм в Итальянском зодчестве, довольно великолепный* Западным фасадом он опирается прямо против того промежутка, который лежит посредине оных двух церквей. Обращенный фасадами на три стороны и Алтарем на четвертую, он таким видом представляет образ креста с фронтами, что также составляет в своем роде немалую красоту. Для облегчения тяжести, купол выстроен деревянный, который украшается полукруглыми окнами, обращенными на все четыре стороны, из которых, однако, свет не проходит в церковь, потому что деревянный потолок, простертый во всю длину настоящей церкви, закрывает все пространство купола. Это сделано с тем намерением, что потолок предположен украсится иконным росписанием.

Внутренность церкви двухэтажная. Алтарь огибается высокой аркой. Приделы на правой и левой сторонах отделяются от настоящей церкви рядами четырехугольных колонн. Здесь уже по законам

новой Архитектуры выключены из внутреннего пространства церкви те стенные преграды с тяжелыми арками, которыми в старинных церквах обыкновенно любили отделять трапезу настоящую и Алтарь. Отчего эта церковь теперь представляет внутри себя более простора и красоты, простираясь на пролете во всю длину до самого Алтаря и давая всем видеть все происходящее в ней священнослужение. Главный престол освящен в честь Пресвятой Девы Богородицы Грузинская; а приделы, один – во имя Святителя Иоанна Златоуста, другой же – во имя Святителя Иануария Папы Римского, Ангела одного благотворителя Томского Купца Ливария Колычева.

АРХИЕРЕЙСКИЕ КЕЛЛИИ

Западный фасад сего храма в верхнем этаже над папертью занимают келлии, построенные на случай приезда Епархиальный Архидиакон. В обыкновенное время помещается в них настоятель монастыря. В этих келлиях устроена молельня, из которой можно слышать Богослужение во всех сих храмах совершаемое. Под ними по обеим сторонам паперти устроены две келлии для

некоторых из братии. Сооружение этого храма было предпринято из-за ветхости старой теплой церкви. Повреждение ее от глубоких развалин, угрожающих неминуемым падением, по необходимости заставляло прямо обратиться к замене ее другим подобным зданием. Сколь ни многочисленны представлялись затруднения со стороны пособий, потребных к достижению сей цели, однако же все оне преодолены трудолюбием нынешнего настоятеля. Построение этого храма со всеми внутренним украшением стоит около 50000 рублей. Этот храм надолго останется украшением обители и памятником усердия граждан Казани и нынешнего Митрополита Киевского, как особенного любителя сей Пустыни, в которую он любил уединяться для отдыха и первый родил мысль к сооружению сего храма. Похвала ему у Бога... (Вся подчеркнутая фраза Даниилом перечеркнута. – Ред.)

Старые настоятельские келлии Напротив вышеописанных двух старых церквей вблизи западной монастырской ограды расположен каменный двухэтажный корпус Настоятельских келлий на пространстве около 15-ти сажень длины и сажень до 6-ти ширины. Сей корпус разделен на две половины,

южную и северную. Первую половину занимали настоятели, а во второй, комнаты убираются и доселе для принятия знатных лиц из посетителей. Комнаты, как в той, так и в другой половине, убраны надлежащим приличием и содержаться в возможной чистоте. Ход в них, открытый с восточной стороны, также разгорожен стеной на две половины. Одни идут к настоятельским келлиям, а другой ведет на половину приемных комнат. Из сей последней сзади протянута деревянная крытая галерея на монастырскую ограду, утвержденная на столбах. Когда приезжают некоторые из посетителей и поселяются в сих покоях, то они всегда имеют возможность выходить прямо из своей половины на ограду и прогуливаться по ней и с приятным наслаждением видами, которые с сей стороны в особенности многочисленны и разнообразны, и великолепны. В нижнем этаже под обеими сими половинами устроены другие келлии, из коих одне на южной половине занимают казначеем; а на северной помещается братия. Кровля на сем корпусе покрыта тесом и выкрашена красной масляной краской.

СОФИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ

После настоятельских келлий, по следованию расположения зданий, следовало бы предложить некоторое описание братских келлий. Но Софийская церковь входит с ними в нераздельную связь; то и надлежит прежде обратить на нее внимание, дабы представить в кратких чертах внешнее и внутренне устройство.

Софийская церковь. 1879 год

Церковь трехэтажная, сооружена во имя Св. Мученицы Софии и трех ее дочерей: Веры, Надежды и Любви. По левую сторону с проезда в монастырь близ проезжих ворот вид ее полуготический довольно красивый, внутренность опрятна и освящена окнами достаточно. Алтарь небольшой, стены и свод выкрашены белой клеевой краской. И вообще в ней менее, нежели в других церквях, приметна ветхость, конечно, не отчего другого, как она занимает местоположение гораздо тверже того, какое занимают все прочие здания, приближенные к берегам озера. На иконостасе хотя видны некоторые признаки ветхости из поблекших на иконах красок и полинявшей на резьбе позолоты, похоже, он в самом составе своем прочен; а потому может еще долго противостоять разрушительной силе времени. Служба в ней отправляется однажды в год в храмовый праздник, 17-го числа сентября. Одно в ней неудобство, ход довольно затруднен теми пристройками, которые к ней примыкают; в особенности те покои, которые устроены с южной стороны с разными службами на случай помещения богомольцев, беспорядочным своим расположением, составляют главнейшую невыгоду хода. Ограничившись таким кратким

взглядом, все постороннее оставляю без замечания, кроме одного случая, о котором мне довелось узнать на месте. Для любопытства я его помещаю здесь. В недавние годы над сего церковью разразился громовый удар. Пролетевши извивающимися полосами по иконостасу, он произвел было в ней пожар. Однако ж действие пламени успели остановить. Признаки же огня и доселе остаются свидетелями случившегося с ней такого искушения, и вместе чудного ее спасения от разрушения пожаром.

БРАТСКИЕ КЕЛЛИИ

За сею церковью следует каменный двухэтажный корпус братских келлий. Он идет на восток вдоль той же монастырской ограды длиной сажень до 30-ти и около 6-ти сажень в ширину. Кроме ограды, которой степень меры основана на предварительном измерении монастырском, впрочем, зданием мера определяема была по глазомеру.

Эти покои недавно возобновлены усердием помещика Киселева; однако ж ход остался в прежнем

затруднительном положении. Между монастырской оградой и сим корпусом во все продолжение задней его стены протянут крытый коридор, на который ход поднимается с западного конца, в смежности с Софийской церковью. В некоторых частях коридора навешены двери, из коих одними можно выходить на монастырскую ограду, а за другими сделаны места для стока нечистот, с отверстиями для очищения воздуха. Внутреннее расположение 12-ти братских келлий устроено довольно выгодно и сообразно с иноческим бытом. Две комнаты, передняя и внутренняя составляют для одного старца свой особый кров, в котором он может находить все потребное для жизни и покоя. Верхний этаж весь занят размещением келлий для братства, а в нижнем этаже, разгороженном на четыре отделения, устроены разные службы, и, между прочим, помещен ледник.

КОЛОДЕЦ

На восточном конце братских келлий спущен сруб для колодца. Сверху он накрывается шатром. Вода выкачивается колесом, но к питью мало способна по своей жесткости. Вид имеет

желтоватый и отзывается несколько гнилью. Впрочем, она имеет свое достоинство и употребление.

Ее черпают при монастырских постройках, а для лошадей она составляет наилучший водопой. Но и при всем том, он вырыт напрасно, потому что вода в озере подле самой ограды монастырской. (Весь абзац перечеркнут. – Ред.)

БРАТСКАЯ ТРАПЕЗА, КУХНЯ

Подобное здание, как и на северной стороне, также двухэтажное, продолжается и вдоль южной ограды. Вероятно, этот корпус первоначально был выстроен для братских келлий, но при возобновлении сего монастыря после произошедшего в нем пожара; но по причине повреждения его от трещин и опасности падения, был оставлен; а вместе его на другой стороне вновь выстроен подобный корпус для братского помещения, который выше был описан. Впрочем, здесь теперь в верхнем этаже помещается братская трапеза; а по обеим сторонам ее в оставшихся келлиях живут некоторые из старцев братства. Ход в них, равно как и в трапезу, открыт с монастыря. В нижнем же этаже под трапезой и сими келлиями устроена братская кухня с погребом и кладовой. В связи с сим корпусом на Западном его конце существовала

некогда церковь. Она была выстроена в параллель со стоящею и поныне на северной ограде Софийскою церковью. Но теперь эта церковь за ветхостию, а больше, по предупреждению упразднена. А чтобы облегчить тяжесть ее и тем предотвратить преждевременное ее разрушение, нашли полезным снять с нее верх и перекрыть по образцу обыкновенных жилых покоев. Теперь во внутренности сего здания помещена монастырская библиотека.

МОНАСТЫРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

При обозрении сего книгохранилища я не нашел в нем такого собрания книг, которое многочисленностью своей требовало продолжительного времени на обозрение, ни таких изданий, которыя своею древностью обращали бы на себя особенное любопытство. Несколько экземпляров богослужбных книг с некоторым небольшим числом писаний святых отцев, ограничивали почти богатство библиотеки. Посему, как прежде в ризнице, небогатой своим достоянием, я недолго медлил теперь и в библиотеке над разбором книг, но бросив несколько беглый взгляд на полки, уставленными книгами, чтоб составить себе приблизительное понятие и богатстве оных, я вскоре после того оставил и самое здание, в

котором заключалось сие духовное сокровище. Впрочем, это здание хотя внутренним своим богатством не завидно; но зато своим местоположением превосходит многие другие здания, ибо будучи выстроено близ берега, против самой расширенной середины озера, окруженного со всех сторон высоким лесом, оно сводит под один взгляд все красоты видов, какими имущественно гордиться эта сторона пред прочими. Но таким удовольствием можно наслаждаться не из библиотеки, а по выходу из нее, стоя на крыльце, сделанном с хода монастырской ограды к библиотеке. Можно себе представить, сколько бы внутренность библиотеки в этом отношении могла приобрести себе выгод, когда бы ход в нее был с другой стороны, а настоящий снят, и были бы при том пробиты окна на западную сторону! Но как сего не сделано, то все сии выгоды исчезают, даже внутреннее пространство не имеет достаточного света. Узкия отверстия, открытия с северной стены ее, слабо удовлетворяют потребность хорошего освещения.

ПЕЩЕРЫ ЗАТВОРНИЧЕСКИЕ

Внизу под сим зданием показывали мне одну пещеру отшельнического затворничества. Теснота внутреннего объема, слабое,

едва мерцающее сияние света, проникающее внутрь пещеры из узенького оконца, низменность потолка и сырость пола, стеснение воздуха и жесткое ложе; все это облекало пещеру видом строгого, пустынного затворничества, все знаменовало трудность подвижничества в самоотвержении. “Пустынным непрестанное божественное желание бывает, мира сущим суетного кроится”. Я слышал от одного пустытника, не скажу, как назывался и к какому веку принадлежал, что затворнику, сидящему посреди тесной пещеры, чрезвычайно полезно с толком напевать те стихи, певаемые на воскресных утренних и таким образом отражать наветы древнего врага человекоубийцы. В эту пещеру помещался по временам один безмолвник, который около 20 лет вел жизнь безмолвную. Оставив пещеру со всеми знаменами духовного ее любомудрия, пошел я мимо трапезы к той башне, которая занимала середину на южной стороне ограды. Между сею башнею и корпусом трапезы с прочия принадлежностями, другое стоит здание каменное. Об одном этаже и несколькими аршинами уже прочим соседнего с ним корпуса. Оно разделено на три части келлий. Среднюю

часть занимает просвирник, а в двух боковых помещаются двое иноков. Сказывают, что это здание первоначально выстроено было с двумя этажами, верхним деревянным, где существовали келлии для помещения Преосв. Митрополита Тихона и при них церковь каменная во имя Тихона Амафунтского. Но когда этот верхний деревянный этаж стал приходиться в ветхость, то и был сломан; а нижний каменный, который занимаем был разными покоями, необходимыми для службы, перекрыт и обращен потом в братские келлии.

**УПРАЗДНЕНИЕ КЕЛЛИЙ
МИТРОПОЛИТА ТИХОНА III**
Все это строение воздвигнуто на сем месте, довольно выгодном по занимаемому им положением, обращенному с южной стороны на озеро и близкому к церквам и другим жизненным потребностям. В нем часто уединялся прежде бывший Преосвященный Тихон III, митрополит Казанский. Любя уединение, он нередко посещал Раифскую обитель и особенно в летнее время. Здесь он на всей свободе пользовался приятным отдыхом после трудов Епархиальных; а в часы досуга для развлечения позволял себе некоторые и другие

невинные забавы. Памятником такого странствия и действия сего Преосвященного в преданиях Раифской Пустыни и доселе остался на озере один деревянный сруб, сокрытый под водою, на котором некогда была оснащена беседка. Сюда он часто хаживал освещаться прохладой воздуха в летние удушливые жары и наслаждаться всеми прелестями видов, какие отсюда открываются во все стороны окрестностей, а для забавы брал с собой и уд для ловли в озере рыбы. При всем этом, к сему преосвященному и доселе сохраняется в обители особенное уважение, и без сомнения, не без основания, почитается в оной. Портрет сего Пастыря, как единственный памятник признательности, какую посему и до ныне в монастыре питают, занимает одно из почетнейших мест в настоятельских келлиях. Теперь остается сказать несколько слов об церкви, которая в смежности с сим зданием занимает середину южной монастырской ограды. В верхнем этаже устроена была церковь, она почиталась домовою или временно-крестовою Архиерейскою церковью. Ныне эта церковь упразднена. В среднем этаже переделана в жилые покои, в коих и мне довелось провести несколько дней во время настоящего

моего путешествия. Небольшой залец, спальня с кладовой в стороне и прихожая составляют хорошее пристанище для временного пребывания, но такие покои могут служить с выгодою и для постоянной жизни. Ход в них с монастыря ведет по крутой лестнице вверх в небольшой крытый коридорец, протянутый во всю длину южной стороны сей башни, с окнами на озеро и с боковыми дверьми на монастырскую ограду. Внизу под сими комнатами внутреннее пространство оставлено без надлежащего убранства с заколоченными окнами. Внешнее обличие этой башни очерчено своим особенным характером. Снизу она четырехугольная, с середины, начиная с среднего этажа, в котором помещены жилые покои, она имеет вид округлой, которая окончена старообразной главою без креста, покрыта тесом. Эта башня, при всей своей грузности и близкости к берегам озера, менее других зданий пострадало от рыхлого, песчаного основания. На ней почти не видно никаких трещин не внутри, ни вне. Из коридора ее можно любоваться красотою на озеро.

КЛАДБИЩЕ

От сей башни и Алтаря старой теплой церкви вдоль нового храма простирается на восток до самой

ограды довольно значительное пространство земли, занимаемое монастырским кладбищем. Одна маститая зеленая пихта, два развесистых сибирских кедров и две высокие лиственницы приветливо осеняют своими ветвями несколько скромных памятников, складенных из кирпича над прахом некоторых из усопших прежних настоятелей сего монастыря и других лиц, служивших в числе братии. Прочие деревья, как служащих более украшением садов (Из числа нескольких яблонь, посаженных по кладбищу; незаметно было ни одной, которая хорошо принялась в корне и разрасталось в большое дерево. Низменный, сырой грунт земли всегда уничтожает все усилия развести здесь сад с разными деревьями), посаженные по разным местам кладбища несколько занимают воображение среди сего жилища смерти своим меланхолическим всегда зеленеющим видом, как знамение бессмертия, невольно поселяют в душе какое-то смешанное чувство, поражающее трепетом мысль при воспоминании о тленности человеческого естества, и вместе отрадное сердцу по уверенности в воскресение мертвых. Судя по местоположению, нельзя было избрать другого участка земли в монастыре, лучшего для покоения

в недрах земли усопших, как настоящее, на котором теперь основано сие кладбище. На столь ближайшем расстоянии пространства земли, занимаемого им между двумя церквями, нельзя не заметить пролегающего резкою чертой рубежа смерти и жизни, и в то же время не пробудиться мыслью, известной из следующего изречения: «помни последнее твое, и во веки не согрешишь». Посему это место двояко может быть полезно для живых и для мертвых. В отношении к первым она может быть полезна потому, что заставляет их смиряться памятию о смерти, а в отношении к последним оно полезно тем, что подает им отраду от живых, которые здесь ежедневно оглашают священными песнями бранные их останки, отраду их душам по закону веры... По заповеди Творца природы: «Земля еси и в землю отъидеши».

III. ОПИСАНИЕ МОНАСТЫРСКОЙ ОГРАДЫ С БАШНЯМИ И ВИДАМИ С НИХ

Кладбищем, как общим пределом жизни, окончиваю обозрение зданий, находящихся внутри монастырской ограды. Теперь останавлиюсь на другом, частном пределе, которым ограничивается

окружность монастыря и начинается новое зрелище, на котором взор, свободно перебегая от одного предмета на другой, тщательно собирается в свою сокровищницу все разнообразие видов. Я разумею чрез это монастырскую ограду, с которой хочу начать описание видов, представляющих с ея башен, с присовокуплением к тому краткого очерка взятого и с самих башен. Не приступая вдруг к сему делу, сначала нужным почитаю дать краткое предварительное понятие о внешнем устройстве самой ограды. Наружный вид этой ограды представляет неправильный четырехугольник, с глухой аркадой, обращенной во двор монастыря. Во все протяжение ея простирается крытый ход с амбразурами верху и с отверстиями внизу для пушечных выстрелов.

Причина же такого ея устройства будет сказана на своем месте. На верх хода ведут чрез отверстия по каменным ступеням, сделанные в разных пунктах ограды лестницы. Кроме сего и в самих башнях есть такие же отверстия, в которых утверждены лестницы для восхода на верх ограды. Следуя глазомеру высоту ея можно положить сажень 5-ть, толщину в аркаде до 2 ½ аршин, в промежутках ея до половины тоньше, окружность же ея по

предварительному монастырскому измерению, содержит в себе 230 квадратных сажен. На таком протяжении и устройстве монастырской ограды все четыре ее угла и другие части венчаются огромной величины башнями. Из внутреннего устройства некоторых из них видеть можно, что некогда в них существовали церкви, но с течением времени, по разным обстоятельствам, упразднены. Из сих одна только осталась неприкосновенною в башне, стоящей над Святыми вратами. Замечательно, что каждой из этих башен дан свой особый вид архитектуры, потому ли, что создателю хотелось сим обозначить различие стран света, или потому, чтоб чрез это ощутительнее выразить разнообразие видов, представляющих с каждой из сих твердынь ограды в своей особой физиономии, или, может быть, чтоб показать тем разность народонаселенности в сем крае, – совокупность русских жителей с племенами Азии. То ли, или другое имел в виду здатель сих башен, определить теперь с точностью настоящую его мысль, представляется немалая трудность. По крайней мере, всего вероятнее можно предположить, разнообразие се

внушило ему мысль представить устройство башен в разных лицах, и он подал этому внушению, может быть, и тою целью, дабы, чрез соединение различных видов с разнообразным устройством башен, представить в целом объеме одну картину, и в то же время обратить внимание зрителей, как живо рукою природы образуются на ней пред глазами их отличительные черты различных видов, попеременно смешивающиеся с искусством человеческой изобретательности! Согласно с сим последним предположением я начинаю обозрение башен и видов, как я уже недавно пред сим и положил тому начало, дав краткий очерк той башни, которая сооружена посреди южной монастырской ограды.

БАШНЯ НАД СВЯТЫМИ ВРАТАМИ С ЦЕРКОВЬЮ В НЕЙ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

Теперь же начатое снова восстанавливаю, но уже с другой башни, которая поставлена на самой середине восточной монастырской ограды. Эта башня сооружена в виде четырехугольника конического устройства, с самого основания постепенно суживаясь кверху, она потом сокращается тупым остроконечием, на котором возведен крест во знамение того,

что внутри ея освящена церковь. Бока ея, идущие вверх квадратно, покрыты тесом и выкрашены. Она имеет вокруг себя ход с навесом, поддерживающимся столбами. Ход же на площадку устроен с монастырского двора чрез отверстие в башне; отседа с северной стороны отвергается дверь в церковь. Как главный престол сей церкви освящен в честь Святителю Николаю Чудотворца, то она и носит на себе имя сего святого. Внутренность ея кругообразна и в объеме и не слишком обширна; посему почти одним взглядом окидывается все ея внутреннее пространство. Впереди видишь иконостас; по правую и левую руку представляются зрению полукруглые на стенах окна, далее и потом со сводом заключают весь обзор настоящей церкви. Алтарь также не большой и не слишком разнообразный, из главнейших здесь их принадлежностей, какия могут идти настоящего замечания, представляется только то, что он чист и светел. Служба в сей церкви отправляется только по праздникам Святителю 9 мая.

С площадки, устроенной под навесом хода около сей башни, первый предмет любопытства, который с восточной стороны представляется взору и поражает

воображение красотой своего вида, преимущественно составляет лес, который, разходясь здесь в обе стороны, на север и юг, образует правильное полукружие и идет прямо на запад. Перед ним извивается речка Сербулак, осененная по берегам тальником и другим кустарником. Выбегая из восточного полукружия леса, и протекая поперек поляны, она отседа впадает в озеро там, где оно оканчивается.

За ней на южном конце того же полукружия, образованного лесом, скромно стоит под тенью густых сосновых деревьев **МОНАСТЫРСКАЯ КАМЕННАЯ ЧАСОВНЯ**, которая построена в 1831 году на большом московском тракте, идущем мимо Пустыни чрез Вязовской перевоз. В весеннее время, когда снимается Васильевский перевоз чрез Волгу.

Цель постройки часовни Каждый год июля 31 день выносятся из сей пустыни в город Свяжск икона Божией Матери, нарицаемая Грузинскою. Такой вынос, по чиноположению церковному, отправляется с сопровождением крестного хода, в продолжение которого на известном каком-либо месте положено также совершать

соединяется с ней у мостика; а из сего происходит другое украшение, которым самый монастырь всегда может красоваться, и наипаче во время весеннее, ибо в это время года от различия весь сей проток наполняется водой и вместе с речкой обтекает монастырь, соединяют один край озера с другим так, что из такого соединения вод образуется род острова, на котором монастырь возвышаясь, издали представляется как бы другим Ноевым Ковчегом, плавающим посреди вод, окружающих его со всех сторон, иногда заливающих его стены. В другое время года этот проток от истока своего пересыхает. Если бы прочистить его несколько сажень вниз; тогда б монастырь навсегда мог окружаться такой красотой. На эту возможность указывает сама природа.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ БАШНЯ

Устройство сей башни также приличествует своему положению и соответствует тому виду, который она представляет взору с северной стороны, его олицетворяющей; ибо будучи устроена на образец обыкновенных башен, строящихся при монастырских оградах, она более, нежели другие ее соседни, отличается скромностью и

простотой, чуждой излишней искусственности. Сод вокруг ее, начинаясь с общего по монастырской оградою хода, накрывается сверху навесом, поддерживающимся на столбиках; и, открытый со всех сторон, он даст возможность проникать отсюда на многия красивыя монастырские окрестности. Внутреннее пространство имеет такое же расположение, какое можно видеть и в прочих башнях. В нижнем ярусе помещается монастырская кузница, куда иногда заходит монастырский Вулкан ковать железо, общаемое, впрочем, не на стрелы для поражения исполинов, но просто употребляемое то на подковы лошади или на другие какие изделия монастырских. Когда я стоял на верхнем ярусе этой кузнечной фабрики, тогда стук молота не дребезжал в ушах моих и наковальня не стонала под ударами железа. Праздник давал тогда отдых и рукам Вулкана и орудием его; посему и не имел я случая видеть сего фабриканта со всем производством его работы, слышать стук молота, который и мне не дал бы покоя стоять и внимать своему делу.

Равным образом стоящая на северо-западном углу монастырской ограды башня своим внешним и внутренним устройством много походит на предшествующую ей с

северо-восточной стороны башню, отличаясь от сей, только не важной переменой в верхнем конце. В этом отношении сии обе башни, стоящие по северную сторону ограды, составляют как бы некую параллель в своем зодчестве, из коих каждая изрядно гармонирует своей стороне и видам, подобно как и на южной части ограды устроенных башен зодчества, хорошо выдерживает достоинство параллельности своим полуазиатским вкусом, остроумно приравленным к той стране Света, на которой природа роскошно разсыпает пред глазами зрителей живописное разнообразие своих видов. Внутреннее же расположение комнаты, устроенной в середине сей башни, своею убранностью и пространством превосходит все прочие подобные помещения, какие в других башнях сделаны. Главную же выгоду в ней составляют окна, которыя широтою своих отверстий дают глазам полную свободу любоваться видами, открывающимися отсюда с трех сторон. К этому немало способствует сзади ее в углу ограды монастырской примкнута другая в собственном смысле гостиница деревянная, и обращенная окнами на двор монастыря и предоставленная для успокоения странников из простого народа, приходящих в праздники на богомолье.

Итак, из окон ли внутренней башенной комнаты, остановишься смотреть на вид, окружающий эту башню, равно он отсюда представляется полным, настолько смешанным по разнообразию своих предметов; ибо созерцая весь объем сего вида, начинающийся с самых берегов озера и граничащий лесом, который тянется на северной стороне монастыря и изгибается полукружием на западной у озера, зритель не иначе достиг бы своей цели, чтобы составить себе об этом виде некоторое понятие, или изобразить другим отличительное его качество, как раскрасив из разнородных цветов один чертеж, представил бы в нем совокупление различных предметов, в одном месте столкнувшихся, на один на другой непохожих. Таким образом он представил бы вам при самом почти подножии сей башни каменный одноэтажный флигель, выстроенный для отдельной гостиницы с принадлежащим к ней двором, протянутым почти до самого озера, но не оконченной еще внутренним устройством. В смежности с нею на западе указал бы вам на огородные усадьбы, засаженные разными овощами для продовольствия монастырского; потом неподалеку от них вправо обратив взор ваш на целый ряд штатнослужительских домиков,

расположенных в линию вдоль восточной монастырской ограды, тут же между прочим заметив вам и о их огородах позади сих зданий, простирающихся к лесу в разных участках. Впереди ж тех и других огородных угодий не упустил бы предложить вам взглянуть и на мостик, огражденный с обеих сторон перильцами, как он на горбатом своем помосте легко переносит проходящих по нем через проток. Далее напомнил бы вам окинуть глазами и скотный двор со всеми принадлежащими к нему постройками, стоящей одиноко на западе при самом начале леса. Наконец объявил бы вам, что на северной стороне близи леса длинные, низменные, едва широкими своими крышами не касающиеся земли, строения суть не другие какие важные заведения, а просто так называемые кирпичные сараи, заведенные на время в монастыре постройки, посему судьба их часто меняется. Несмотря на всю такую подробную смесь описания сего вида, скимщик еще не кончил для вас своей работы, но присовокупил бы еще к наполнению сего вида одно не неважное замечание, состоящее в том, что этот вид очень много теряет блеска в своем колорите от того, что деревянный сарай довольно длинный и высокий,

выстроенный позади западной ограды монастырской близ гостиницы, много препятствует снять с озера некоторые черты, которые отселе представляются не во всей полноте и ясности; а потому и оставляются до следующей башни.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ БАШНЯ

Проходя отсюда по ограде мимо настоятельских келлий, к следующей за ними башне, сооруженной на юго-западном углу ограды, к изумлению моему, я увидел эту башню в таком странном костюме, который внешним своим убором представлял в себе вид рыцаря средних веков. Она возрастом своих против других башен гораздо ниже, но в объеме тоньше, но игривее всех их своим видом. Кверху идет уступами, поднимая на туловище своем тяжелую одежду, увитую разными выпускными закромами; и, постепенно суживая свою вершину, наконец дает возможность надеть на себя шапку, которую она на главе своей и доселе носит. Кроме сего она отличается от прочих башен и другою особенностью. Вокруг сей башни нет крытого хода, но она оставлена со всех сторон открытою, как бы напоказ зрителям своего убранства, которым она так пышно разряжена.

Окончим сим последним очерком вида весь обзор монастырских зданий, ограды и башен с их видами и другими принадлежностями, невыразимым чувством умиления, произведенным в душе моей разными впечатлениями красот природы и искусства человеческого; а потому с удовольствием преподал себе основателя сей обители на столь прекрасном месте и внутренно воздавал благодарность всем, которые содействовали своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения. Это чувство признательности пробудило во мне мысль, и я ей охотно последовал, извлечь имена некоторых, по крайней мере, главнейших лиц из-под спуда забвения, который тем или другим путем усердия стремились к основанию ея в сем отшельническом уединении, отдавая каждому из них должную дань благодарности и справедливости за оказанные ими услуги.

Итак, не имея возможности наслаждаться зрением великолепных видов, открывающихся с сей стороны на озеро, стоя на площадке хода, как таким удобством мне довелось пользоваться при других башнях, я хотел было удовлетворить

своему желанию в этом случае зрением чрез окна, сделанные внутри башенной комнаты; но как окна были очень узки, так что нельзя из них смотреть, я и оставил свое любопытство, как неудовлетворяемое местным неудобством, при том поспешнее, что другой недостаток, которым с давних лет страждет сам корпус башни, грозил мне опасностью падения и тем приводил меня не совсем обыкновенный страх; ибо она и действительно погнулась на западную сторону с рыхлого грунта земли столь ощутительно, что надобно опасаться, дабы она, подобно башни Силуанской, не опрокинулась на кого-нибудь из проходящих и не подавила некоторых из них своими развалинами за непокаяние. По сей причине, вышедши вон из комнаты башенной, я немедленно спустился чрез отверстие под ходом ограды на двор монастыря и прошел калиткой на озеро. Эта калитка сделана неподалеку от сей башни на конце южной монастырской ограды. Сдесь стояла так же одна церковь с тремя престолами, за ветхостью недавно разобрана. Вместо ее теперь чуть выделено целое звено ограды, на образец прежнего ее устройства.

ИОРДАН НАД ОЗЕРОМ

Против этой же башни с берега озера спущен в воду деревянный сруб, который наслан сверху досками и огорожен перильцами. Насредине его открыто четвероугольное отверстие для водоосвящения, положенного отправлять в известные дни года по указанию церковного устава: посему этот сруб и носить на себе общее и приличное своему назначению наименование Иордан. В обыкновенное же время сюда ходят за водой для монастырского употребления, а большею частью собираются для наслаждения живописным зрелищем местоположения; как и я это теперь сделал. В самом деле, вид с этой Иордани на озеро красотой и разнообразием своих предметов превосходит все другие, какие представляются взорам с прочих башен. Отселе озеро развивается во все своем величии и со всеми прелестями береговых украшений. Частый и высокий лес, огибая его с трех сторон составляет на западе самую очаровательную панораму, и издали кажется, как будто б здесь берега озера, сомкнувшись вместе полагают тем предел ему; между тем, как оно делает один только изгиб в роде глухаго пролива, за которым еще простирается на запад версты на две, и тем образует

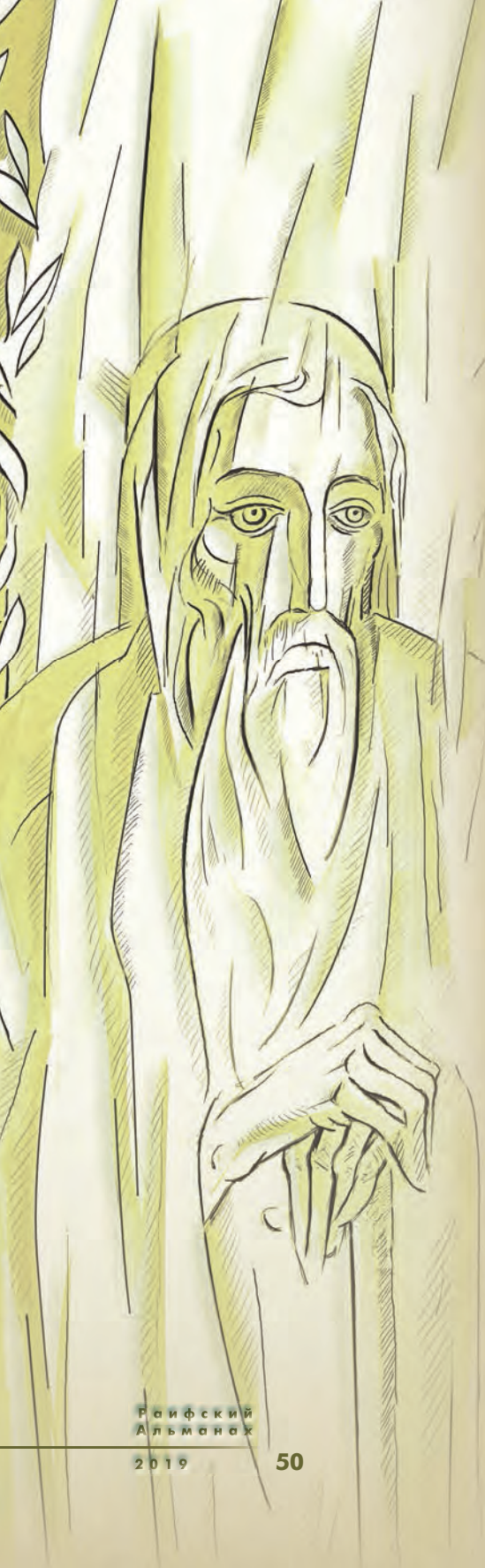

Раифское озеро.
Конец XIX века

чистый, натуральный фокус. Равным образом на правом и левом берегу озера природа разсыпает пред глазами зрителя такое разнообразие красоты, что, кажется, каждый предмет как бы оспаривает у другого свое преимущество в красоте и старается на перерыв показать свою лепоту. Много потребовалось бы времени, что б даже некоторыя из сих красот, не говоря уже многих, можно было представить хотя бы чертеж описания; посему, не распространяясь в изображении прочих предметов, покусюсь только провести на сем виде беглый очерк речки Сумки.

СУМКА

Эта труженица уединенная и безмолвная, как сама пустыня, тихо влечет струи свои, едва пробираясь сквозь частый лапушник, сплошь почти застилающий светлые, как стекло. Ее воды, и сносит избыток их из озера в лоно матери русских рек Волгу без шума и ропотливости на трудности пути своего, который она совершает довольствуясь тусклым уделом своего русла и низменных берегов, на которых дремлют пирамидальные ели и кудрявые липы, глядя в зеркале вод ея. И бдительно охраняя как несменные стражи, тишину ея от всякого возмущенного ветра. Сия речка на расстоянии 12 верст от истока своего впадает в Волгу выше

деревни Васильевское, вершина ея истока перегораживается тыном для того, чтобы остановить набег рыбы из озера. Она выгодна бы из озера на другой его стороне прями против Иордани.

IV. НАЧАЛО ОСНОВАНИЯ РАИФСКОЙ ПУСТЫНИ

ПРЕПОДОБНЫЙ ФИЛАРЕТ

В начале XVII столетия (1613 года) в царствование благочестивейшаго и Великаго князя Михаила Федоровича некто из числа братства Московскаго Чудова Монастыря предпринял намерение посетит Низовые страны; то был преподобный Филарет. Он был уроженец московский и принадлежал до монашества к купеческому сословию. По смерти родителей, сделавшись наследником довольно значительнаго имения. Он, по внушению Божию, призывающаго в лице богатаго юноши к высшему совершенству жизни: «если хочешь быть совершен, поди, продай имение твое и раздай нищим; и получишь сокровище на небеси; и приди, следуй за Мною» (Матф. Гл. XIX) употребил все земное достояние на раздавание нищим; и, оставив дом и всю житейскую суету, пошел искать сокровище небесное на поприще иноческаго смирения и вольной нищеты, в недрах своей отчизны он избрал поприщем христианскаго

любомудрия Чудов монастырь. Постригшись в монашество с нареченным именем Филарета, он проходил разные монастырские послушания, на него возлагаемые, с должною рачительностью, и выполняя их с желанным успехом, стараясь при том вести жизнь сообразную с данными им вступлении в иночество обетами; тем и обратил на себя особенное внимание монастырскаго начальства. Которое неумедлило его назначить к представлению на степень священноиночества. В скором времени после сего Филарет был посвящен во иеродиакона, а потом произведен и иеромонахом.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В КАЗАНЬ

По какому случаю, неизвестно, только сему благочестивому иноку, в последствии времени, пришла мысль сойти с избраннаго им поприща благочестия и перейти на другое. Он переселился из Москвы в Казань. По прибытии в сей город, вступил он в Казанский Спасо-Преображенский монастырь, где и принят был в число братства. Недолго здесь скрывался в неизвестности этот новый пресельник. Об нем узнали многие и причем из почтеннейших граждан казанских, и желали с ним свести ближайшую связь. В короткое время он приобрел обширное знакомство. Особенное же

расположение оказывал ему некто из тогдашних граждан купец именем Сергей, который, кроме знатности по богатству и значительности по торговым оборотам, славился тогда еще и страннолюбием. К сему-то гражданину преподобный Филарет часто хаживал в дом, разделяя с ним утешение во взаимных беседах о благочестии и вере. Сергей ценил дружбу с преподобным столь дорого, что выстроил даже в дому своем особую для него келлию, дабы тем свободные наедине наслаждения общими духовными беседами. Кроме сего, дома отверсты были для Филарета и другие у многих граждан Казани. Всякий, кто только вступал с ним в знакомство, хотел видеть его у себя в доме, и преподобный удовлетворял желание многих со всею простотою сердца.

Юродство преподобнаго Филарета. По прошествии же некотораго времени пребывания своего в Казани, он переменил образ жизни и стал обращаться с другими совсем иначе, нежели как обыкновенно видели его недавно. Он принял на себя образ юродства потому ли, что наскучил таким обширным знакомством и опасаясь разъяснений, в которое он увлечен был столь далеко, и тем хотел пресечь излишняа связи с миром, или потому, что имел другую

сокровенную мысль, которая таилась в душе его, как искра в пепле, и влекла его к другому назначению; как бы то ни было, только вскоре после сего, старец начал нередко отлучаться из монастыря, и уже не в дома прежних своих знакомых, но в леса, окружающие казанские предместия. Правда он и прежде, по особенной склонности к уединению, иногда предпринимал подобные странствия; но теперь под покровом юродства, гораздо чаще стал посещать мрачные пустыни лесов, и в уединении искать безопасного для себя убежища.

Однажды он отправился за город и направил путь свой в лежащие вдоль берегов Волги от Казани на северо-запад покрытые дремучим лесом места; и, проходя сквозь дебри и овраги, посреди чащи широковетвистых деревьев, пробираясь узкими излучистыми тропинками, случайно попал на то место, где теперь Раифское озеро разливаает свои светло-зеленые воды посреди отлогих берегов, осененных крупным и частым лесом. Красивое местоположение, изобилие животных земных, изобилие рыбы, целыми стаями гуляющей в глубине озера, чистый воздух, благоухающий ароматическим запахом цветов, а наипаче ничем не возмущаемое уединение, пленили душу пустыннолюбиваго Филарета

так, что он с сего времени положил решительное намерение водвориться здесь навсегда. Что потом и исполнил. Водрузив себе хижину на берегу озера, он остался в ней жить навсегда. Свободен будучи от шума городского и сообщения с людьми, ведущими жизнь светскую, преподобный не был, однако ж, совершенно свободен и среди глуши леса, по видимому, никем непроходимой, от беспокойства в другом виде и в других лицах людей, или лучше сказать, дикарей, живущих в сих неизмеримых пустынях.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЧЕРЕМИС

Эти дикари, известные теперь у нас под именем черемис, приходя на берега озера для заклинания животных в жертву своим богам и совершения своих идолопоклоническим празднеств среди лесистой пустыни, и тогда возмущали тишину его уединения. Впрочем, он всегда с иноческим великодушием переносил такое сумозбродное изуверства шаманства, перешедшее к нам с переселением

сего народа из стран Средней Азии, как древней колыбели язычества и идолопоклонства, хотя в то же время не можно чувствовать отвращение от сего язычества идолослужения и не сознавать сердцем о таком жалком заблуждении людей, в скачках и плясках и разных кривляниях, с диким воплем выражавших свою веру, вблизи мирного его приюта, и они не могли так же со своей стороны не удивляться такому новому пришельцу, поселившемуся в соседстве. Но не проникая цели

поселения сего новаго жителя, а также, не видя, чтобы он употреблял какое-либо пререкание, противное содержанию и обрядов, но равнодушно смотреть на все происходящее с ними неистовство, сии варвары не хотели, а может быть, не смогли наносить ему каких либо важных обид, но оставляли его жить спокойно: по сему он и продолжал здесь жизнь постоянно, хотя и не по всей полноте желанного им безмолвия.

В последствии времени сей отшельник не мог укрыться и от русских. Его нашли и здесь в глуши дремучего леса. Лишь только узнали о новом месте его жительства, тотчас начали собираться к нему сюда с разных сторон и разного сословия люди: светские и монахи, купцы и бояре. Преподобный каждого из приходящих принимал лаского, угощал плодами – производением своей пустыни, утешая их притом душеспасительными беседами. Из числа посещавших его уединение по временам открывались и такие, которые охотно изъявляли желание разделять с ним труды пустынножизни с одной стороны потому, что предвидели в нем доброго для себя наставника в благочестии, а с другой находили, что и самое место,

которое преподобный избрал для отшельнической жизни. Таким образом, с продолжением времени, преподобный Филарет, увидев вокруг своей пещи значительное число и других хижин с немалым количеством отшельников, и радовался такому благочестивому собранию, предвидя зачатки выполняющегося своего предположения, какое он некогда предначертал – основания на сем месте иноческой обители. К особенному же своему утешению преподобный увидел в числе поселившихся с ним новых пустынников и давнего своего приятеля казанского гражданина Сергия, но уже под другим именем и в другой одежде. Его звали тогда Серапионом и видели в черной рясе и клобуке.

КТО ТАКОЙ МОНАХ СЕРАПИОН

Оставив свои торговые дела в Казани и всю мирскую молву, сей некогда знаменитый гражданин, удалился в Седмиозерную Пустынь, вновь тогда возникающую, и здесь постригся в монашество, подобно, как и Филарет, отвлекся в образ иноческого смирения в Чудов монастырь. Узнав же, что прежний его наставник поселился на берегах Раифского озера, Серапион поспешил к нему в Пустыню, и при первом случае свидания изъявил желание остаться жить с ним в одном

месте. Таким образом преподобный Серапион навсегда соединился со старцем Филаретом душой и телом, поселившись близ него в скудной хижине отшельника. Преподобный Филарет радовался своему бодрому соседу, как первенцу своего возраждающегося братства; а сей был в восторге, что нашел случай опять соединиться со своим наставником и идти с ним вместе по одной стезе к высшему званию наследия, в небесном отечестве уготованного.

Между тем как разные странники продолжали посещать место уединения, где преподобный Филарет с прочими пустынниками основал себе жилище, и число общников в пустынножизни время без времени возраста Божие; но посреди сего отшельнического скита, которого круг расселения распространился уже столь широко, недоставало молитвенного дома, куда бы сии пустынножители могли собираться ежедневно на общую молитву. Преподобный заметил этот недостаток, обратил на том большое внимание, чем яснее постигал нужду и пользу построения такого здания; ибо неоднократно случалось ему видеть такие опыты, из которых очевидно открывалось сама собою важность и почетность общего молитвенного собрания. Некоторые из поселившихся с ним в пустыне

собраний, часто и без всякой почти уважительной причины бродили по окрестностям озера, из одного пустого любопытства и разсеяния; а другие, собираясь в ту или другую хижину к кому-либо из своих товарищей, истощали время в праздностях. Преподобный, чтобы отвратить такое зло от своей братии, тем тщательнее занялся мыслью о постройке сего дома и изысканию к выполнению своего намерения разные средства. Но не преступая к начатию дела, он нужным почел наперед предложить на общее рассуждение всего братства и узнать от них собственное предположение, как кто из них об этом думает.

Лишь только предложено было им такое намерение касательно сего дела, тотчас все единодушно приняли его с искренним удовлетворением, видя всю важность столь полезного времени вперед, они тотчас принялись за работу. Нарубив бревен из ближайшего леса и навозив на определенное место, они в скором времени построили часовню, куда, под руководством своего наставника преподобнаго Филарета, стали собираться на общую молитву по утру, в полдень и вечером, и исправлять ежедневное молитвословие с обыкновенным разделением его на утреннюю,

часы и вечерню. По окончании же службы Божией каждый старец с душевным назиданием отходил в свою келлию или хижину, где остальное время дня проводил то в занятии рукоделием, то в приготовлении себе пищи, или в чтении житий святых отец. С сих пор прекратились в братстве рассеянность и празнословие.

Равным образом общей трапезы еще не было заведено преподобным, но каждый из братии приобретал себе хлеб, частью покупкою оного в Казани, сбывая там свое рукоделие, а частью по средством собрания в лесу земных произведений запасал себе на целую зиму продовольствие в жизни. Преподобный Филарет имел в виду со временем учредить в своем братстве и сей полезный порядок общежития; но за разными недосугами, а более по недостатку в способах, не мог при своей жизни привести своего намерения в исполнение.

Между тем как преподобный с братию занимался построением часовни и приведением в лучшее расположение своих келлий, то переноса их с одного места на другое, некоторые из них перестроив вновь, произошло посреди сего пустынного

жилища довольно замечательное явление.

Однажды некто из пустынножителей, вышедши на открытый воздух, взглянул на небо, как вдруг увидел простершуюся из светлого облака руку, благославлявшую то место, на котором созидалась часовня и возобновлялись кругом се разные пустынные кущи. Обрадованный и в месте удивленный таким необычным видением отшельник спешил поведать оное и просил из своих товарищей о сии не умедлили сообщить о том и преподобному Филарету, который из сего видения заключил, что их собрание во имя Христова на сем месте, без сомнения, благоугодно Богу, и что они занимаются делом приличным их знанию и сообразным с духом веры и благочестия. Прочие же из собравшихся к нему старцев, слыша от него такое свидетельство о значении сего явления ободрились духом и все вознесли ко Господу совокупные молитвы в искренних и живейших чувствованиях благодарности, и спрашивая у Него святой помощи и на дальнейшие подвиги на избранном им месте жительства. Сие и следующие событие почерпнуты из одной монастырской рукописи.

ЧУДНЫЙ ЗНАК КОЛОКОЛЬНЫЙ

Около того же времени подобное сему происшествие открылось в ином не менее того необыкновенном событии. Многим из живущих на сем месте отшельничества слышался по временам какой-то странный гул, подобный колокольному звону, который неоднократно повторялся в том или другом углу их жилищ, с большею или меньшею выразительностью для слуха, и о котором они также рассказывали преподобному с сладостным предчувствием будущего возсуществования и предвещения на сем месте иноческой обители, как тоже самое и наставник их подтверждал, а в последствии и самый опыт оправдали действительность его уверения. Но преподобный Филарет, видя в будущем столь светлые предзнаменования не имел однако ж утешения видеть их совершенного исполнения в настоящем, а видел только некоторые малые начатки, некоторые слабые образы. Его главнейшее предназначение о создании обители на избранном им месте отшельничества требовало большого пространства времени. Большого избытка в способах, нежели какими он тогда обладал при всей своей ревности к достижению

предположенной им цели. По крайней мере, он первый бросил семена такого предприятия на ниве им начатой и к возделыванию заготовленной, а другим оставил случай продолжать удобрение оной и собирать на ней плоды трудов своих. Не смотря однако ж на то, он так же первый заслуживает славу считаться и быть основателем Раифской Пустыни, даже и тогда, как он, по неисповедимым судьбам Промысла Божия, не получил себе в удел ни самого скудного участка земли на месте своего отшельнического подвижничества для сокрытия в недрах ся бранных своих останков.

Он кончил дни своей жизни в том самом монастыре, который первоначально избрал себе в убежище, по прибытии своем в Казань, и сдесь сложил в мрак гроба обветшавшую ризу плоти своей. Таким образом конец жизни сего благочестиваго подвижника соответствовал началу ся в одном и той же месте Казанского края и переселил его за пределы сей жизни преходящей в сторону вечности, где начинается другая, лучшая жизнь для праведников и продолжается только, но уже никогда не оканчивается.

МОНАХИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ К МИТРОПОЛИТУ ЛАВРЕНТИЮ

Собранное покойным Филаретом славенское стадо не оставило мирной своей ограды и после смерти своего пастыря пребывало и питалось во внутренней и внешней жизни под непосредственным покровительством Божественного промысла.

Однако ж в сем положении оставалось оно не слишком долго. Из него вывело его с одной стороны требование самой природы человеческой, почувствовавшей нужду в посторонней помощи руководства; а с другой — долговременное пребывание без священнослужения, установленного для приношения безкровной жертвы Богу. Для этой потребности у них не доставало еще и священнослужителя, облеченного духовною властью священноугойствия при содержании Божественной тайны Евхаристии; потому что не было у них даже доселе ни одного освященного храма, в котором бы можно было отправлять служение, положенное для приношения сей великой жертвы мира и спасения за грехи человеков. Посему они, избрав из среды своей старейшего некогда инока Фаддея, присоединив к нему и других старцев, отличавшихся пред прочими

опытностью, как и сединою долголетней старости, отправив их в Казань в качестве депутатов от лица всего своего братства к Преосвященному Лаврентию Митрополиту Казанскому, который прибыл тогда на казанскую паству в царствование благочестивейшего Царя Алексея Михайловича, еще до принятия им такой старческой депутации, за четыре года прежде. По выслушиванию от них просьбы, Святитель не прежде, однакож согласился исполнить просимое, обещавшись сам осмотреть место прожительства и видеть на самом опыте потребность предложенного ему дела.

Прибытие в Пустынь митрополита В следующее лето Архипастырь действительно отправился для сей цели в Раифскую Пустынь. И как нашел все справедливым, что в предшествовавшем году изъясняли ему в своей просьбе доверенные старцы, то и объявил им тут же свое согласие: во-первых, дать им строителя в качестве настоятеля над ними, который бы имел обязанность вводить между ними порядок общежития; а во-вторых, разрешил им и строение храма, согласно с их прошением, с возложением такого труда на будущего их настоятеля, которого он и не умедлит им прислать вскоре по приезду своем

в Казань в лице некоего иеромонаха Савватия, человека известного тогда по своей опытности в делах монастырского управления.

ИЕРОМОНАХ САВВАТИЙ

Сей старец, приняв от своего Владыки благословение, отправился в назначенное ему место, и тотчас принялся за труд. Прежде всего особенное внимание обратил он на сооружение церкви; посему и положил первое основание обители с устройства храма Божия, как некоего краеугольного камня, на котором, или около которого, должны потом созидаться и прочия монастырские здания, каждое следуя своему порядку и нуждам обители. Таким образом, первая церковь началась строиться во имя Грузинской Божией Матери. Вслед за нею приступлено к построению настоятельских и братских келлий со всеми нужными службами; потом застроена была вокруг всего монастыря деревянная ограда с двумя в ней вратами, из коих одни, так называемые Святые, выстроены были с церковью во имя происхождения честных древ; а над другими также создана была другая — во имя преподобных отец в Синае и Раифе избивенных; наконец, четвертая, она же самая первая была построена посреди монастырской

ограды, и впоследствии была освящена, по воле самого преосвященного Лаврентия, во имя святителя Евфимия, Новгородского Чудотворца. Сии церкви, как и прочия здания монастырские, были выстроены из дерева и существовали до того времени, когда произошел пожар, который истребил весь сей монастырь до основания.

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Между тем как время проходило в строении сих церквей и прочих монастырских зданий, преосвященный Лаврентий, дабы дать Раифской обители наилучшее украшение и над житейшее прибежище в нуждах, послал нарочного художника в землю Зырян (ныне Архангельскую губернию) на место, которое слывет там под именем Черной Горы, с поручением, чтобы он снял копию с подлинной чудотворной иконы Божией Матери, называемой Грузинскою. Название же такое сия святая икона получила от своего происхождения из Персии или Грузии, как гласит о сем одно из давних преданий, потому что привезена была оттуда приказчиком Лазаревым, а хозяином, по извещению свыше, поставил ее в Черниговской вновь созидавшейся

тогда обители. По этому случаю положено и праздновать в честь сей святой иконы в 22 день августа (4 сентября по н.ст. — Ред.)

Но сей список, снятый с тамошней иконы, не прежде, однакож был доставлен в Казань к преосвященному митрополиту; как уже строение церквей и прочих в монастыре зданий приходило к окончанию. Когда же

сему святителю дано было знать, что в обители все было готово к освящению церквей; то он со своей стороны послал известить о сем и граждан казанских чрез посредство градоначальников, назначив вместе с тем и день освящения и Крестный ход из Казани до Раифской Пустыни. Сдесь, во время его сопровождения Крестного хода, по уверению одного из монастырских преданий, многим из недужных, при воззрении

на икону Божией Матери, или лучше сказать, при обращении ока милосердия Самой Пресвятой Девы Богородицы, невидимо благодатью своей присутствовавшей, также подавались различные дары исцелений: слепым прозрение, беснующим очищение, глухим слышание, хромым исправление и т.п. такая чудотворная сила продолжалась и во время освящения церквей, а над некоторыми,

*Братия со святыней обители.
Конец XIX века*

притягающими с теплыми мольбами и живою верою к сей святой иконе не прекращается благодать Божия донныне.

ПЕРВОЕ ОТКРЫТИЕ РАИФСКОЙ ОБИТЕЛИ

Казанские граждане, благодарные к Виновнику спасения Человеческого Иисусу, и благоговейные к сей святой и чудотворной иконы Божией Матери Грузинской, с течением времени ознаменовали свое усердие к Ней украшением святого лика Ея богатой ризою, убранной жемчугом и осыпанной драгоценными камнями, а церкви снабдили приличной ризницей и разной церковной утварью. Таким образом происходило первоначальное основание, устройство и открытие Раифской Пустыни.

V. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ РАИФСКОЙ ПУСТЫНИ ПОСЛЕ ПОЖАРА

По прошествии 24 лет после устройства Раифской Пустыни, произведенного при митрополите Лаврентии, суждено ей было претерпеть важное искушение. В 1685, а по другим знакам в 1689 году в царствование

благочестивейшего царя м Великого князя Алексея Михайловича, при митрополите Адриане. Управляющем тогда Казанской паствой, случившегося по неизвестной какой причине, пожар превратил Обитель в пепел. Церкви, келии настоятельская и братская со всеми службами и оградой сделались добычей пламени. *Чудотворную икону Грузинской Божией Матери без всякого сомнения, успели вынести из церкви и сохранить в целости от пожара. Это доказывает древность письма на Ея Лике*. Иноки, лишившиеся своего пристанища, иные разошлись по другим монастырям, но некоторые остались жить на пепелище. Лучше соглашались переносить всякаго

рода лишения, нежели расстаться с прежним своим жилищем. Ни холод, ни голод, словом, ничто не могло переменить их мыслей. Они строили себе хижины на месте сгоревшей обители и привитали в них, как птицы небесныя в ездах, не вдаваясь в лишние попечения о пище и попое; но с полным упованием ожидали себе всего нужного от всеильной десницы Промысла Божия. Они в своей надежде не обманулись. Посылающий пищу, взывающим к Нему и дающий тварям своим дыхание и жизнь, и все, благий Промысел Божий не оставил пение и сих планов долго исполнения в ожиданиях относительно перемен своей участи на лучшее положение жизни.

МИТРОПОЛИТ АДРИАН

В самом деле, Господь внушил тогда мысль Превысшему Казанской епархией преосвященному Митрополиту Адриану восстановить сию пострадавшую от пожара обитель и дать лучшее убежище иконам. Святитель принял в этом деле живейшее участие, решился возобновить ее в гораздо великолепнейшем, против прежнего, устройстве. Вместо деревянного строения, в некоем она до пожара была воздвигнута, сей преосвященный возмерился создать ее в каменном устройстве и расположить ее гораздо обширнее, нежели как она была устроена прежде, в стесном и беспорядочном размещении своих зданий; словом,

*Вид монастыря с востока,
со старыми Святыми вратами.
1879 год*

он предпринял в Пустане Раифской соорудить такую обитель, которая бы, если не уступала, по крайней мере. Ближе подходила бы под образец некоторых из знаменитейших Великих Российских монастырей, известных величием своего зодчества и хорошим порядком расположения. Для достижения сей цели, преосвященный Адриан вызвал из московского Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, некоторого иеромонаха Германа, который до вступления своего в означенный монастырь, проходил послушание в большом Тихвинском, что в Новгородской Епархии, монастыре, и которого, вероятно, преосвященный знал лично.

ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕРМАН

По прибытии своем в Казань, преподобный Герман узнал о своем предназначении, а, может быть, он знал об этом уже и в Москве. Как бы то ни было, только он, вскоре после своего приезда, был назначен преосвященным митрополитом Андрианом в Раифскую пустынь строителем с возложением на него обязанности возобновлять сию обитель, находящуюся тогда в запустении после пожара. Между

тем, преосвященный не упустил сообщить ему и свое намерение, какое он имел относительно восстановления оной, дав ему наставления, которых он должен был держаться, преимущественно сообразуясь в устройении Раифской обители с расположением тех монастырей, в которых он доселе жил. Новый строитель оправдал ожидание своего пастыря на самом опыте столь удачно, как нельзя было лучше того ожидать, осуществить идею преосвященного в том самом виде, в каком он желал видеть сторевшую обитель.

В самом деле, смотря на нынешнее устройство Раифской Пустыни, в каком она теперь представляется в своем возобновлении, нельзя не приметить довольно близкого в устройстве и расположении ее зданий с теми, какия можно видеть в московском Новоиерусалимском монастыре, разумеется кроме одного храма Воскресения Христова, который есть единственное здание по великолепию своего зодчества во всей России, и не имеет нигде себе подобного. Кроме сего, говорю, храма, многое другое в зданиях сей пустыни запечатлено характером обители Святейшего патриарха Никона, и это выражено частию на ограде Раифской, частию на устройстве настоятельских и братских келлий,

не менее как и на расположении монастырского кладбища, внутри ограды помещений. Даже естественное месторасположение Раифской Пустыни представляет некоторые следы, похожие на месте Воскресенкаго монастыря, с тою только разнообразию, что там окружают монастырь горы, а здесь лес. Природа, так как и искусство, следует иногда законам подражания в своих созданиях; посему она набросала несколько оттенков и на окрестностях Раифской Пустыни, похожих на предместия Нового Иерусалима, подобно, как и для сего образовала местность не совсем разнovidную с местностью древней столицы царя Давида.

Некоторые из путешественников, видя в них Старый и Новый Иерусалим, уверяют, что и тот и другой в некоторый чертах местности между собой схожи; по сей то причине, как догадываются другие, и патриарх Тихон избрал это место для построения в России Нового Иерусалима.

Другое обстоятельство, не менее сего замечательное, дает повод находить подобное сходство в устройстве самой Раифской ограды вообще рассматриваемой, с устройством ограды Новгородского Тихвинского монастыря, по крайней мере как

это известно из его описания. Вероятно, преподобный Герман, проведя по несколько лет жизни в этих упомянутых монастырях и заметив их расположение и устройство, хотел с того и другого из них снять по несколько черт и перенести их на устройство и расположение некоторых из монастырских зданий в Раифской Пустыне. Этому предположению ничто так не благоприипятствует, как устройство ограды сей последней; ибо и в самом деле сей строитель какою имел цель воздвигать в пустынной обители столь огромную ограду с бойницами и снабженную чугунными прутками разного старинного калибра, которая в сем отношении более походит на крепостную стену, нежели на монастырскую ограду? Разным образом значат и самыя пушки. Завезенные сюды и некоторые из них оставленные в монастыре и доселе? В Тихвинском монастыре на это право имеет историческая причина. Но и в Раифской Пустыни, говорят, ссылаясь на одно темное предание, произошло, устройство ограды в таком виде и с таким вооружением пушек, также не по пустому случаю: ибо и здесь, как и в Тихвине, открывались неприязненные нападения на обитель со стороны окружавших ее диких народов – черемисов,

потому что сии пришельцы Азии, видя устроенную посреди их жилищ иноческую, благочестивую обитель, естественно, не могли смотреть на нее без негодования, как на такое его строение, в котором они явно усматривали неминуемое разрушение своей идолопоклонической веры со всеми ее безобразными, шаманскими причудами: а потому иногда и открывали злонамеренные на нее покушения. Впрочем, в этом отношении скорее можно согласиться, что к устройству Раифской монастырской ограды в таком виде не иное что служило главным поводом, как одни, может быть, предположительные предосторожности против могущих произойти неприятностей со стороны соседних с обителей, нежели допустить, чтобы действительность таких враждебных действий черемис был следствием сооружения сей ограды в таком огромном оборонительном устройстве. А что значат пушки? К чему бойницы? Не верны ли это свидетельства не ложности предания? Некоторые видимые признаки, также как и некоторые предположения и догадки не всегда могут быть верными свидетелями истины. Можно видеть, можно предполагать это или другое, но самом деле иногда следует совсем

не по законам видимости, не по расчетам предположения. Так, на примере, можно себе предполагать, что не черемисы ли произвели и пожар в Раифской обители для достижения своей ненавистной цели? Это предположение, сколь, впрочем, ни благовидно само по себе, однако ж окажется несбыточным, как скоро мы удостоверимся в несбыточности и самых непризнанных их попущений прочих обители, по каким бы то ни было побуждениям предпринимаемым. Во-первых, в этой не совсем точно нас удостоверить то, что черемисы, как народ дикий и невежественный, едва ли могли столь глубоко проникать в цель устройства обители посреди их жилищ, а потому, едва ли они когда-нибудь и покушались вытеснить ее из среды своей насильственными мерами; во-вторых, нельзя легко принять за достоверное и то мнение, чтобы они напали на нее для грабежей и обогащения, когда, по тогдашнему состоянию, не видно было ничего, чтобы могло подстрекать страсть корыстолюбия хищническим предприятиям: а из сих заключений, естественно, становится невозможным, или неосновательным предположение о сим странным жителям Казанкаго края вины происшедшего в обители пожара, подобно как и

всякое другое предположение не всегда должно заслуживать наше вероятие, или внешний какой-либо признак не всегда еще может быть неоспоримым доказательством истины. Впрочем, я и не выдаю настоящего моего мнения относительно сего предмета за непреложное какое-нибудь открытие истины; а напротив охотно согласен даже и верить монастырскому преданию о набегах черемис, как по тому сказанию, от которого не предвижу, чтобы достоинство истины чрез сие верование могло потерпеть какой-либо значительный вред; напротив того, оно еще больше возвышалось бы, когда б не встречало для себя никаких преград, колеблющих его основание. Но как я не имел других доказательств, подтверждающих достоверность этого события, то и сделал такое замечание, которое не совсем противоречит монастырскому преданию, а дает ему только правильное направление, поясняя оное, что устройство ограды в Раифской обители произведено не по другим каким причинам, как в следствии благоразумных описаний, возникающих из предположения о черемисских набегах, едва ли до того времени обитель сию беспокоивших, подобно как и сооружение Тихвинской монастырской

ограды произошло из действия неприятельских покушений. Впрочем, память преподобного не столько по сооружению ограды в Раифской Пустыни в таком великолепном виде достойна похвалы и удивления, сколько прославляет его тот труд, который он понес на украшение обители святыми церквами и другими монастырскими зданиями. Кроме настоятельских и братских келлий с их службами, которыя и доселе стоят на первоначальном месте основания своего, хотя с некоторым последующим изменением их в наружном виде, но в главнейших частях оставленных в прежнем порядке устройства, он внутри монастырской ограды построил несколько довольно красивых и поместительных церквей, из коих некоторыя уцелели и до ныне, только существуют под другими именами, и с некоторою переменою в наружном и внутреннем их виде, происшедшего, как думать надобно, от возобновления их и других разных починок, *См. обозрение сего монастыря в нынешнем его положении, изложенное в стат. II и III.*, как видеть можно из одних древних рукописей, где оне перечисляются в следующем порядке: первая на месте прежней сгоревшей церкви Синае и Раифских преподобных отец была

им выстроена новая каменная и освящена во имя святителя Николая Чудотворца; (это, вероятно, нынешняя Троицкая холодная церковь). Другая сооружена была над св. вратами и освящена во имя преподобных отец в Синае и Раифе избивенных (ныне Никольская). Третья, которую он, по благословию святителя Адриана, начал тогда строить, но не успел кончить в бытность сего пастыря на казанской пастве, была освящена его преемником Казанским митрополитом Маркеллом в честь имени Пресвятой Девы Богородицы Грузинской. (Эта должна быть нынешняя теплая церковь или другая какая из числа сломанных за ветхостью.) Прочия же церкви и другия монастырские здания были сооружаемы в разные времена и под разными наименованиями. Они все перечисляются в одном описании сего монастыря, но я считаю ненужным повторять здесь исчисление их, как уж многих из них не существуют, а других, хотя и уцелевших; а вместо сего нахожу здесь приличным сделать замечание для раскрытия цели сооружения сего монастыря вообще, рассматриваемого по отношению его к столь огромному

и величественному виду. *Мне кажется, что преосвященный Адриан и другие его преемники при построении сего монастыря и украшении его разными столь великолепными церквами и другими значительными зданиями, простирали цель свою по сему делу гораздо далее, нежели где обыкновенно может оканчиваться она, имея пределом своим одно только выгодное благолепие. Такая цель не сообразна и недостаточна для умов возвышенных; по сему и следует судить согласно с достоинством тех лиц, кои полагают ее в основании своих предприятий. Итак. Зная из опыта, сколь иногда благотворно может действовать на воображение простых людей наружное великолепие предметов, преосвященный Адриан, а после и другие, следуя его мысли, и предположили устроить сей монастырь в великолепном виде, а со временем и действительно придаст его в то благолепие, которым он и доселе удивляет взоры богомольцев и других посетителей, дабы чрез это в особенности привлечь дикий черемисский народ в святой христианской вере. В достижении сей цели они большею частью и успели; ибо если нынешнее обращение черемис к благочестию христианскому и не совсем можно отнести к сему

одному средству: однако ж в числе прочих и это средство всегда служило и теперь служит наилучшим побуждением к обращению их от заблуждений к истине Евангельской. Теперь сии народы, некогда враги Раифской обители, мнимые ли, или действительные, целыми толпами, разного пола и возраста, стекаются в ограду ее в праздничные, а иногда и в простые дни, но уже не с оружием вражды и убийства, не с сердцем, дышущим мыслию грабежей и изуверством (если только это правда), но с знаменем мира и жизни, и с душою кроткою, ищущею спасения только чрез Христа Спасителя и в ходатайствах Пречистыя Его Матери, Преблагословенной Девы Марии, - с знаменем, говорю, Креста Господня, по средствам которого и им сидящим во тьме смертной возсиял свет велий. Митрополит Адриан заслуживает безмерную славу за возобновление Раифской обители. Но, положив столь прочное основание Раифской обители по ее цели, как и устройству, Преосвященный митрополит Адриан, желая, однако ж, утешения дожидаться окончательного возобновления, ибо он в это время был возван в первопрестольный град Москву для занятия патриаршего престола после кончины блаженного патриарха

Русской Церкви Иоакима. Несмотря на то, он однако ж прославил свое святительство в Казани в отношении к устройству сей обители более, нежели кто другой из его предшественников, как потому, что он первый взял деятельнейшее участие в ее восстановлении: так и по начертанию плана, которым должно было руководствоваться при ее сооружении. Этим началом, столь прозорливо им обдуманном и потом так удачно увенчавшимся вождельным успехом, он сплел себе такой венец бессмертия, светлый и неувядаемый, который будет сиять, доколе будет на земли стоять Раифская Пустынь, не умолкну возвящать будущим родам, как некий священный памятник благодарности, славу своего благодетеля, а вместе с тем и просветитель языческого мрака, в сем углу Казанского края носившегося. Не менее этого заслуживает право на признательность сей обители и достойный преемник сего архипастыря, преосвященный митрополит Маркелл, вызванный повелением благочестивейших царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей из Пскова на Казанскую паству.

VIII. КАЗАНСКИЙ МИТРОПОЛИТ МАРКЕЛЛ, ПРОДОЛЖАТЕЛЬ СТРОЕНИЕ РАИФСКОЙ ПУСТЫНИ ПОСЛЕ АДРИАНА

С высокою душою, с твердым характером, с глубоким просвящением сей святитель, подобно, как и его предшественник, соединил в себе редкое усердие к распространению христианского благочестия в наружных памятниках. По приезде своем в Казань, узнав, что в Раифской Пустыни остается неоконченною начатая строителем церковь по недостатку потребных к тому средств, сей святитель, во-первых, сам уделил значительную часть из своего достояния в пособие на окончание строения церкви, приказав по-прежнему продолжать работу; а во-вторых, пригласил к посильной помощи на сей же предмет и жителей Казани. Любители благолепия церковного, по гласу своего нового пастыря, охотно тогда снесли свои жертвы, как благоприятную Богу дань. В скором после сего времени церковь приведена была к окончанию и освящена потом сим Архипастырем во имя Св. Живоначальных Троицы.

Таким образом, он положил конец возобновлению сей обители и начало новому ея бытию! Уважая труды, какие преподобный Герман понес при возобновлении Раифской Пустыни после постигшаго ея пожара, я отнюдь не имею намерения оскорбить память сего трудолюбивого и умного строителя, вполне заслуживающего от сей обители похвалу и благодарность за свои труды тем, что хочу здесь обнаружить причину, которую преподобный Герман упустил из виду, основав Раифский монастырь очень на близком расстоянии от озера, где грунт земли песчаный и рыхлый и доселе наносит великое зло для монастырских зданий, сопровождающийся многими расселинами; отчего этот монастырь подвергся лишению многих знатнейших своих строений. Конечно, это зло не могло бы иметь такого вредного влияния на монастырь, если бы он был подвинут далее на восток, где грунт земли глиняный, составлял бы главную причину прочности. Тогда бы сей строитель восхитил совершенную и блистательную пальму трудов своих. Преподобный Герман вызывается в Москву, где производится архимандритом Ново-Воскресенского монастыря. В возмездие же за понесенные

труды по устройению обители, строитель Герман был произведен преосвященным Лаврентием в игумена. Но он не долго оставался в сей Пустыни в новом своем сане, но в скором времени был вызван в Москву. По прибытии туда он поступил в Ново-Иерусалимский монастырь. А по прожитии не многих лет жизни в сем монастыре, по высочайшей воле Императора Петра I, состоявшейся в следствии представления Московского Патриарха Адриана, он был возведен на степень Архимандрита, с назначением его настоятелем Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря. Сим последним обстоятельством оканчивается все сказание, из которого я почерпал сведения, касающиеся до возобновления сей обители после пожара, по крайней мере так я заключаю, что не имею других источников, из которых бы я мог заимствовать нужные материалы для изложения полнейшего по сему случаю описания. Этот недостаток заменяю я другого рода сказанием, которое с одной стороны может служить некоторым пополнением всего вышеизложенного мною, а с другой, по занимательности описываемых в нем предметов, я надеюсь, что оно не будет лишено благосклонного принятия читателей. С сею

целью оно в особенности здесь и помещается.

ПРОГУЛКА ПО ОЗЕРУ И ОКРЕСТНОСТЯМ МОНАСТЫРСКИМ

Прежде, нежели предложено будет описание некоторых занимательных случаев. Встречавшихся со мной во время прогулки по окрестностям монастырским, я нужным счел сделать краткое, предварительное понятие о величине монастырского озера, как первого предмета, с которого началось это приятное препровождение остального времени в Пустыни. Озеро, получившее от одной и той же причины, как и сам монастырь, название Раифского, в длину от запада на восток простирается на 3 ½ версты. На середине содержит ширины от 50 и более сажен, а на обоих концах, Восточном и Западном, с половину того уже. Самое большое пространство по ширине заключает середина, простирающаяся пред самой западной монастырской оградой. Задний же конец тянется вдоль южной стороны той же ограды и прекращается на востоке далее от монастыря сажен на 40. А передний конец его начинается близ деревни Белой чрез соединение с другим озером, принадлежащим обывателем оной, и отстоит

от монастыря версты на 3. Глубина в нем неодинакова. По предварительному измерению известно, что самое высокое глубина состоит на середине и восходит от 15 до 6 сажен, а в других местах от 6 до 3 и менее. Грунт дна также не везде одинаков: где песчаный, а где иловый и тинистый. Берега отлоги и поросли тальником, ситником и другими травами, а далее отненены разным крупным лесом. Вода в нем мягкая и пресная. Для питья очень приятна и здорова. Только в летнее время проникается какой-то зеленью; отчего всегда несколько тогда отзывается гнилью. Течение имеет от запада на восток к монастырю, но не обратно, как оно представляется при первом на него взгляде. В нем водится великое множество разной рыбы. Кроме красной и белой большой рыбы, какой в нем нет, в нем ловят язей, сороч, линей, окуней, щук, карасей и т.п. Только лов рыбы не совсем и не везде удобен; ибо коряжник и прорось много препятствуют доставать рыбу из озера с хорошим успехом. Впрочем, в некоторых известных местах сетями и другими рыболовными снастями добывают рыбы не малое количество, так что монастырь, в весеннее время

довольствуется своею рыбой, не имея надобности запасаться ею покупкой.

Зная, что Раифская пустынь владеет таким озером, я, при отъезде моем из Казани, запасся парой удочек, предполагая там на досуге напомнить себе прежнюю мою охоту ловить рыбу обыкновенным родом рыболовной забавы удой. Такое предположение я не оставил без исполнения. На другой день, по утру, сев в лодку, отправился я с некоторыми из послушников на другую сторону берега, следуя уверению их, что там рыба идет на уду гораздо успешнее, нежели по сю сторону монастыря. Приплыв на известное место, мы остановились от берега в расстоянии сажен на пять. Закинув свою уду, я тотчас увидел на самом опыте справедливость уверения моих соседей, ибо рыба и действительно подергивала поплавками почти беспрестанно, и каждый из нас вытаскивал свою уду из воды почти поминутно, иногда с добычей, а иногда голую с сорванной или полуобъеденной приманкой.

При всем успешном ходе рыбы на уду, я однако ж выделил на свою только четыре сорочи, да и то две из них перекинул через лодку в лодку. Когда ж число пойманной рыбы

казалось нам достаточным на нашу потребность; то мы прекратили рыбный лов. Гребцы взялись за весла, и мы опять переправились на тот берег, на котором сели в лодку. Рыбе дано в тот день свое употребление, а подобное занятие продолжалось и в следующие дни с переменным счастьем.

В полдни того же дня поплыли мы на лодке по озеру для обозрения всего его пространства с лежащими по берегам его местами, особенное внимание заслуживающими. День был довольно жаркий; но на воде мы освежались приятной прохладой от веяния легкого ветерка. Мы остановились на том месте, где озеро среди полукружия леса принимает другой изворот, и здесь как бы прерывается на две половины, одною прерывается к монастырю на восток. А другою тянется на запад в прямом направлении версты на две до самой деревни Белой. С сей черты озера открывается самая очаровательная для взора картина по своей противоположности видов, какие представляются на том и на другом конце озера. На запад око скользит по длинной перспективе озера, простирающейся до самой деревни Белой, которая, будучи расположена по крутизне одной горы, носится над озером во всей приятной простоте сельскаго быта, а

на восточной стороне открывается вид монастыря во всем его величии, за которым на другом конце озера красиво мелькает в глазах под тенью развесистых сосен монастырская часовня, и издали представляется как бы некоторым скитом древних Египетских отшельников. На их противоположных два вида в особенности поражают зрение выразительным сходством своих предметов. На одном конце озера на горе возвышается простота; а на другом под сению густых деревьев смиренно укрывается скромность.

Возвратившись к берегу, мы слезли с лодки на площадку, иначе называемую Иордань, и отселе пошли вдаль берега на запад к лесу. Кругом всего озера и монастыря царствовала глубокая тишина. Даже не слышно было и кваканья лягушек, хотя настоящее время не полагало еще предела для сих водяных животных торжествовать цветущее великолепие летней природы. У них, как известно, не отнимает силу выражать свое веселье обыкновенным их распевом и самое продолжение ночи. Это обстоятельство заставило меня спросить: водятся ли здесь лягушки? Водятся, сказали мне. Да почему же они не кричат? По крайней мере, их кваканьем несколько оживлялась бы столь томная тишина. На них

наложено запрещение. Как? Некто из подвизавшихся в нашей обители благочестивых старцев, слышу я рассказ предлагаемый из одного предания, скучая непрерывным криком сей твари, молил Бога, чтобы прекратилось досадное кваканье лягушек, которое развлекало его внимать при совершении им обычных молитв и Господь по вере старца исполнил его желание. С тех пор и доселе уже никогда лягушичий крик не возмущает слуха смиренных отшельников.

Проходя лесом по тропинке вдоль берега, мы нечаянно спугнули с гнезда дикую утку с утятами. Ожидая, что она поднимется на воздух и оставит своих птенцов, напротив того, к удивлению нашему, мы увидели другое. Утка не только не поднялась, но спокойно плыла позади кучки своих малюток. От пренебрежения ли опасностью произошло такое равнодушие, подумаете вы? Совсем нет! Это в высшей степени естественное действие любви животных к своим детям, которая в случае опасности жертвуют иногда своими выгодами собственной своей жизни, дабы обеспечить жизнь своих исчадий. Утка эту мысль подтвердила опытом. Лишь только утята доплыли до половины озера, мать тотчас закричала и подала им голос

искать спасения в обыкновенных им средствам. После сего одни из них поныряли в воду, а другие попрятались вместе с матерью по разным кучам камыша. Кроме разительной сметливости и смысла, внушенным птицам нежностью природного чувства, этот пример показал на еще, что птицы имеют и свой язык, который они сами у себя понимают. А при этом случае нельзя также не подивиться и тому, какое должно быть превосходство любви и премудрости в Том, от которого пролилось такое обилие чувств в природу самых даже словестных животных! На следующий день после обеда мы отправились на монастырские сенные покосы, отстоящие от монастыря версты на три. Миновав часовню, вступили мы в густой и высокий лес, и шли дорогой более версты, как вдруг открывается пред нами обширнейшая поляна, распространяющаяся по разным возвышенностям и раскатам земной поверхности. Здесь между рассеянно стоящими разными деревьями в большем или меньшем числе сотоварищества, распространялись монастырские луга.

ПОСЛУШНИК ИЗ ОТСТАВНЫХ СОЛДАТ

Приблизившись к сенокосцам, которые состояли частью из

штатных монастырских служителей, частью и из послушников сего же монастыря, мы остановились и занимались с любопытством их работою. Между тем, пришла мне мысль спросить одного из них: кто он и откуда поступил в монастырь? Я, отвечал он, родом из черемис казанских, доселе находился в военной службе и состоял в Гренадерском Графа Аракчеева полку в новгородских военных поселениях. По выслужании же срочных лет получил чистую отставку, и теперь нахожусь в сем монастыре уже несколько лет в числе послушников. Когда ты крещен? В бытность мою на службе. При крещении моем сам Граф сделал мне честь быть мне восприемным отцем. Почему ж ты не остался на своей родине после отставки? Лета моей жизни уже напоминали мне искать более тихого пристанища в ограде монастыря, где б я мог свободно посвятить остаток дней моих на служение Богу и на спасение души моей, нежели изнурить их в кругу моих единопленников, среди сельской, злопотливой жизни, и, может быть, ... да, может быть, все и понапрасну. Умно ты судил, что, воздав Кесарева Кесарю, теперь пришел сюда воздать Божие Богу!

ПЧЕЛЬНИК

Кончив разговор, пошли мы вместе с настоятелем монастыря (при сопровождении которого, по большей части, я имел приятный случай ознакомиться с местными окрестностями сей обители и быть свидетелем того, что теперь передаю на бумагу) на пчельник, который принадлежал монастырю и расположен был на самом рубеже монастырского леса посреди густых липовых деревьев. Громкое жужжание пчел возвещало большую деятельность сих трудолюбивых насекомых. Мы взойшли калиткой на двор, где кругом деревянной ограды расставлены были по разным местам пчелиные ульи; а на правой стороне со входа стояла изба для смотрителей за пчельником. Здесь я нашел другого ветерана, состоявшего в числе монастырских послушников, подобного тому, с которым я недавно имел разговор на сенных покосах.

ПОСЛУШНИК МАТРОС ИЗ ЧУВАШ

Только этот ветеран принадлежал к другому племени людей, населяющий край казанский и к другому разряду прежней военной его службы. Он был родом из чуваш. Некогда также был отдан на военную службу и служил матросом при Балтийском флоте; странствовал

в разных морских походах. И когда Русская морская эскадра стояла в водах Греческого архипелага, он тогда нашел случай предпринять путешествие в Палестину и другие святые места. В это время он имел счастье посетить святой град Иерусалим. В доказательство сего он представлял нам разные святые вещи, принесенные им от Гроба Господня. Благоговев к сей святыни с искренним расположением благочестиваго христианина, он хранит их на пчельнике при себе, как редкую драгоценность. Конечно, здесь еще находятся и другие подобные послушники, спросил я настоятеля? Да, есть еще один, отвечал он, который смотрит за огородом, и я охотно принимаю сего рода людей в монастырь; ибо из опыта знаю, что подобные сим послушники не только не служат в обременение монастырям, но своею опытностью всегда могут приносить им пользу. Это можно доказать тем, что многие из них вступили в монастырь, не предполагая другой цели, кроме душевного спасения; а потому и в отношениях благочестия они ведут себя без всякого лицемерия. С другой же стороны, испытать разные нужды во время военной службы, они уже многими примерами хорошо научены дисциплине; следовательно, от них более можно ожидать готовности к

послушаниям, нежели от кого-либо другого, который еще не прошел искус послушания и постоянства!!

МЕДНИЦА

Вышедши из пчельника, мы обратились на другую сторону лугов и сели близ дороги, идущей из монастыря, под тенью развесистых елей, с намерением здесь несколько отдохнуть. Но комары и мошки не дали нам покоя и принудили нас немедленно оставить луга; а сверх того и солнце недалеко уж текло от западного небосклона, и побуждало нас заранее возвратиться в монастырь. Идучи дорогой, встретили мы медницу, которая, переползвая поперек дороги, остановилась и нас остановила. Из страха к ней, и более из предубеждения от поверья, будто бы сия пресмыкающаяся гадина, когда озлиться и хочеть уязвить человека, скачет на него, подобно крылатым животным, мы держались на одном месте не малое время. Однакож ничего подобного с нами не случилось; гадина боялась нас, а мы ее понапрасну. Так и всякий предрассудок силен только во мнении, а не на деле!

КУПИНА В РАИФЕ

По возвращении в монастырь, я не зашел в свой гостеприимный приют, но прошел калиткой к

озеро, и остановился на площадке или Иордани, дабы насладиться приятностями теплого летнего вечера. Уже дневное светило погружалось в неизмеримые пучины запада. Вечерняя заря ярким румяным своим цветом высоко отражалась из-за леса и распространялась широкой полосой по всему западному небосклону. Озеро сверкало багрянцем, лес горел, и я видел здесь некое подобие купины пылающей, но не сторающей, и слышал глас природы, громко вопиющий внутреннему слуху чрез псалмопевца о Творце вселенной. При созерцании столь великолепного зрелища природы, с сладостным упоением умиления погружался я мыслию в отдаленные пределы минувших веков и там представлял себе то дивное ведение, в котором великий Моисей удостоился узреть присно-Сущаго в оригинальной, горячей купине и слышать глаголы живого Бога. Это видение чрезвычайно и с тех пор не повторялось ни однажды; между тем как настоящее видение природа раскрывает не однократно и пред глазами многих. Стоит только смотреть на него не одними очами, и тогда можно также увидеть Бога и здесь – в делах Его творения. Через день после сего явления также под вечер повторилось в природе другое видение, хотя

в начале с грозным открытием действующих своих сил, но под конец разрешившиеся в таких же приятных чертах, как и первое. Вдруг пролился сильный дождь, сопровождаемый порывистым ветром. Лес страшно шумел. Озеро кипело и от всхлипа волн поднимался какой-то смешанный томный звук. Молнии сверкали поминутно, и предметы, находившиеся на земной поверхности попеременно, то являлись в ярком свете, то опять вдруг пропадали во мраке ночи. Глас грома Твоего в колеси осветила молния Твоя вселенную...

ОБЛАЧНЫЕ КАРТИНЫ

Впрочем, такое смятение в природе недолго происходило. Ветер начал мало по малу утихать, дождь уменьшаться. Тучи, разрываясь в мелкие облака, разоблачали небо со всех сторон. Луна, царица ночи, величественно востекала на высоту тверди небесной среди быстро мчащихся мимо ея снеговидных облаков, которые от возмущения ветра носились по своду неба в беспорядке. От такого их брожения открылось то прекрасное явление, которое привело меня в большое изумление. Облака, бродя туда и сюда пред моими глазами, беспрестанно сменяли одни картины на другие в разных

видах и с новым великолепием. Одни из них поражали взор видом развалившейся скалы, другие представлялись в образе полуразрушенных башен, а некоторые вдали казались рядами густого, дремучего леса, или образовали виды раскинутых шатров со множеством толпящегося вокруг их воинства. Созерцая такие великолепные картины во время лунной ночи среди пустыни, окруженной дремучем лесом, не напрасно, сказал я с восторгом, ветер разносит их по своду неба, но он, как некоей волшебной рукой, строит из них пред лицом нас, земных странников, дивные свои создания и тем прославляет общего всем Создателя, давшего ему такую силу, которая не менее, как и самья небеса, поведает славу Божию, и так же ясно возвещает, что все творение, видимое в природе, есть дело всемогущей силы невидимого Бога.

На следующий день после обедни зашел я к настоятелю в келлии. Между разными разговорами он предложил мне поход с ним вместе для прогулки в черемисское селение Параты, отстоящее от монастыря верст на восемь. Я тем охотнее

согласился на его предложение, что мне никогда не случалось видеть черемис в домашнем их быту, и я желал взглянуть на образ их жизни на самом опыте. В третьем часу по полудню сев в повозку, мы отправились в путь.

День стоял ясный, тихий, облака там и сям спокойно после дождя гуляли по голубой тверди небесной и тем более усугубляли прелести области и наши радости. Проезжая

лесом по южную сторону озера, сначала дорога пролегла не совсем спокойная. Рывки и ямы, наполненные дождевой водой, составляли главнейшую ее невыгоду. Но по ту сторону реки Сумки, которая здесь течет поперек леса, дорога совершенно переменилась в своем положении. Отселе и далее мы ехали спокойно, постепенно поворачиваясь на север. Нас уже не тревожили более ни кочки, ни ямы. Версты через

четыре лес стал приметно редеть. Я однакож не терял надежды, что он и должен будет увеселять взор наш своею яркой зеленью и тенью; но, к изумлению моему, вдруг перед нами открывается обширнейшее поле, засеянное рожью и ярко освещенное лучами полуденного солнца. Вдали по разным взгорьям и удолам круговинами стояли высокие деревья. Между ними издали виднелись, по всем направлениям поля, разбросанные в беспорядке

дома черемисов. Увы! Воскликнул я, мы приехали в Азию. Ибо обитатели ей части света в средней ее полосе, по большей части ведут кочевую жизнь в своих кущах также рассеянно, как у нас ведут и казанские черемисы. Это те самые варвары, прибавил я, которые некогда своими набегами опустошали Раифскую Пустынь? Да, они самые, отвечал настоятель, их предки... Довольно!

Не доезжая до Парат, нам предложен еще путь мимо одной черемисской деревни Пюзюр– Куп. Глубокий овраг, лежащий между ею и Паратами, разделяя их на два противоположные околка. Воль этого взгорья положена была деревня Пюзюр-Куп, так называются у черемис несколько домов, отдельно отстоявших от главной деревни. Переехав чрез ручей, звивавшийся по песчаному дну ручья по мостику, мы поднялись на возвышенность того взгорья, по скату которого растягивалось набережное селение Пюзюр-Куп. В полуверстном расстоянии от него представлялось взору нашему одиноко стоявшая деревянная церковь. За нею волновались поля, засеянные яровым хлебом и окружаемая с трех сторон высоким и частым

лесом. Местоположение Парат с сей стороны представлялось самое прелестное по своим видам, открывавшихся отселе во все стороны. Въехав на двор к священнику, который находился от церкви не в дальнем расстоянии, и застав его дома, мы однакож скоро проводили его в церковь венчать свадьбу. *По старинному обычаю, черемисы постоянно совершают свои браки во время сенных покосов перед жатвой*.

В отсутствие священника, мы с особенным удовольствием наслаждались радушным приемом хозяйки дома. Она угощала нас с сельскою простотою свежими ягодами, соединя однакож с сею добродетельностью и прекрасные черты умной и вежливой горожанки. Добродетель везде увлекает к себе доброе расположение и получает достойную себе дань благодарности. В продолжение сего угощения одна черемиска, женщина пожилых лет, взошла в горницу, разряженная своим узорчатым костюмом, унизанным сплошь рядами серебряных монет и других металлических побрякушек. Это была распорядительница свадебного пира. Мы занимались с нею с полчаса времени распросами о значении ея наряда. Она рассказывала нам о происхождении и намерении

своих привесок с приметным самодовольствием, а мы слушали ее рассказы с особенным любопытством и остались довольны ея искренними ответами. Поблагодарив хозяйку за гостеприимство, мы съехали со двора в намерении предпринять обратный путь до монастыря.

СВАДЬБА

Проходя улицу, мы увидели на одном дворе, под открытым сараем, толпу пляшущих черемис. Из них иные играли на волынке, другие пели песни при сопровождении барабанного боя, а некоторые подчивали друг друга пивом. Что это за собрание, спросил я? Это так черемисы играют свои свадьбы, услышал я себе в ответ. Подлинно они играют их, промолвил я, в прямом смысле сего слова. Мы однакож на несколько минут остановились посмотреть на сию черемисскую свадебную церемонию и послушать их музыку. Но они, завидев нас, прекратили свой оркестр, а некоторые, подбежав к нам, просили на к себе на пир. Мы поблагодарили их за гостеприимный привет, отговариваясь от посещения их торжества, склоняющимся к вечеру днем.

Между тем, как они продолжали нас уговаривать зайти к ним на двор, я уловил несколько минут видеть их

черты, лица и запомнить, что многие из них и доселе удержали на себе значительные признаки физиономий монгольских. Итак, напрасно, сказал я сам себе, ниши учение истощаются в разных тонких исследованиях на счет происхождения народов, обитающих у нас на протяжении всей Северной полосы, начиная от берегов Каспийского моря и до самого Восточного океана. Это суть, потомки той части света, которая теперь лежит у нас за рубежом Восточной и Западной Сибири. Они все, по моему мнению, должны быть монгольского происхождения. В пользу сего предположения говорят не одне черты лиц черемисов, но и самый их образ жизни с некоторыми поверьями и обычаями, как и самое устройство их домов свидетельствуют их родство с монголами, типы которых и доселе остались неизгладимо на их лицах и отпечатались на многих из употребляемых мим вещах и зданиях.

ЧЕРЕМИССКАЯ КУДА

В доказательство своего предположения, я представлю один случай, встречавшийся со мной при выезде из селения Парат, который привел меня к такому заключению. На конце улицы у ворот одного зажиточного черемисянина остановили нас, приглашая заехать

к ним в дом. Мы согласились. Слезли с повозки и взошли на двор. Первый предмет, который обратил на себя мое внимание, это была Черемисская Куды – род деревенской русской избушки снаружи, а внутри совершенное подобие монгольской степной юрты со всеми снарядами и принадлежностями кочевого быта. Здесь вы увидите такой же очаг, как и у монголов в юртах, расположенный на земле. Над ним отверстие для прохода дыма, из которого свешен на железном крючке котел для приготовления пищи. Впереди чулан, отгороженный для хранения в нем съестных припасов и разной поваренной посуды. По сторонам левой и правой такие же на земле седалища, как и в монгольских юртах, а стоя пред курящимися головнями вы невольно вспомните тот же смрад, какой всегда наполняет и жилища монголов. Вообще, можно сказать, что Куды есть ни что иное, как переименованная монгольская юрта на образец русских сельских хат. Летом черемисы почти постоянно живут в своих Кудях, как израильяне в своих куцах, и в них же приготавливают и пищу, обедают и ужинают, для воспоминания своей прежней жизни и подражания своим предкам. В степях Азии и юрта имеет свою цель и составляют одну и главнейших принадлежностей кочевой жизни. У нас же на Руси

она должна бы была потерять свое употребление и оказаться лишнею, как безнуждая, напротив того, она занимает у черемис на дворе самое почетное место и по преимуществу носит на себе имя дома; потому что слово Куды (подобно как Урто или юрта на монгольском значит стан – дом), на черемисском языке означает дом. Черемисы сей хате оказывают большое уважение. Они и доселе не могли с нею расстаться и удовольствоваться одними русскими избами, но воздвигают ее нареди своих дворов, как некое святилище. Вот, между прочим, живой пример силы привычки, которая так же, как и вторая природа, оказывает непреотвратимое сопротивление самым упорным усилиям искоренить ее!

Другое замечание достойно такое внимание любознательных. У черемисов, как и вообще у всех степных народов, домашний скот не пасется под надзором пастуха, но бродит на воле по полям и лесам рассеянно. Хотя часто случается, что из сего скота значительная часть достается в добычу хищным зверям. Черемисы однакож не отстают от своего обыкновения, но содержат свой скот по примеру степного, азиатского быта, жертвуя им в пользу закоренелой своей привычки. Еще явление не менее того

замечательного во нравах черемис заставляет признать их за часть Средней Азии. У них женский пол в рабстве. Это отличительный признак характера азиатских народов, у которых мужья полномочные господа своих жен. Это подтвердилось для нас на самом опыте. В приезд наш из Парат мы видели черемисок, пашущих на полях и едущих с дровами, между тем как мужчины с важностью важно разгуливают по улицам. Очевидно, что черемисы и другие им подобные народы известные у нас под разными именами и находящиеся зарубежные страны вдоль пределов Средней Азии, их настоящие потомки разных Русская изба черемисов. Но когда мы взошли в большую избу, в которой черемисы ведут обыкновенную жизнь, как старожилы, поданные Русской державы, то увидели здесь совсем другой свет. Здесь мы нашли тоже расположение, как и в русских сельских избах, такие же лавки и палаты, на том же месте печку, где она кладется и в русских избах, только с трубой, чего редко можно встретить в обыкновенных русских избах. Черемисы зимою постоянно живут в сих избах и в них приготавливают пищу, а когда наступит лето, то они перебираются для сего в свои Куды, где и вступают во все права монгольского своенравия.

Несмотря на некоторые неважные отсутствия, я у черемис в русской жилой избе нашел немалое сходство с устройством сих зданий у наших деревенских крестьян так, что при входе в одну из них, я невольно принужден был воскликнуть «Вот здесь русским духом пахнет!»

Впрочем, у нас черемисы и не совсем остались без всякой перемены в отношении нравственно-религиозного образования. Хотя некоторых из своих обычаев они и доселе придерживаются, как выше сего было показано, однакож нельзя не заметить благотворного влияния на них христианской веры. Прежняя дикость с них приметно спадает, на месте ее кротость, свойственная христианской жизни, управляет всеми движениями их сердца. Они строго соблюдают постановления, предписанные Православною Церковью, и особенно те из них, которые строятся для наружного благочестия. А сего для них и довольно. Такому обращению своему из язычества в христианскую веру многие из них обязаны благотворному на них действию нашей духовной миссии, высочайше учрежденной в Казанской Епархии в 1830 году.

Недолго посидев в черемисской русской избе, мы заранее поспешили

возвратиться в монастырь. Проезжая тою же дорогой, мы во всей полноте удовольствия наслаждались приятностями самого наилучшего летнего вечера и дышали самым чистым воздухом, растворяемым животворным веянием легкого зефира, несущаго к нам обилие разных ароматных запахов с лесов и полей. Лес дремал в глубокой тиши и стоял как будто бы погруженный в какие-то мрачные думы и не хотел пробуждаться из своей дремоты ни освещением его златистыми лучами западного солнца, ни шумным жужжанием насекомых, которые в глубине его они сливали в один смешанный гул. Уже начинало смеркаться, как мы прибыли в монастырь, довольные сей прогулкой, доставившей нам приятный случай видеть чад Востока, благословляющих судьбу свою у нас на Руси под мудрым и человеколюбным правлением Российских благочестивейших монархов.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ В КАЗАНЬ

На другой день я стал собираться в обратный путь в Казань и в тот же день оставить Раифскую Пустынь. Выехал после Вечерни, и уже доканчивал остальную путь ночью, которая меня застигла у Лебяжьего озера. Отсюда Казань представлялась мне в сумраке ночи белеющею горой. Сзади меня догорали последние лучи вечерней зари, а сверху ярко сверкали светлые звезды, рассеянные по всему пространству неба, и я в половине 10 часа ночи благополучно опять прибыл в свое местожительство, соединив в своей поездке в Пустынь полезное с приятным.

Д. Ар.

*Монах на ивовой аллее
у Раифского озера. 1879 год*

РЯИФСКИЙ МОНАСТЫРЬ ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЯНОРАЖА РЯИФСКОЙ ПУСТЫНИ

**РАИФСКИЕ
ЧАСОВНИ**

стр. 90 - 95

А. М. Елдашев

**ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА
РАИФСКОЙ
БОГОРОДИЦКОЙ ПУСТЫНИ**

стр. 96 - 109

А. Ф. Степанов

2

источник

Бывшие часовни
Раифской обители

РАИФСКИЕ ЧАСОВНИ

В 2017 ГОДУ доцент Казанской православной духовной семинарии, лауреат Макариевской премии, член Союза писателей России, наш многолетний автор Анатолий Елдашев издал очередную книгу «Казанские часовни (XVI-XX вв.)». В ходе дальнейших изысканий, уже после выхода книги, А. М. Елдашев любезно согласился предоставить нашей редакции малоизвестные дореволюционные сведения о часовнях Раифской Богородицкой пустыни, которые не вошли в его книгу. Эти сведения, в частности, автор почерпнул из книги протоиерея Евфимия Малова «Раифская Богородицкая пустынь Казанской епархии». – Казань: Типография А. А. Коковиной, 1880.

Информационно-издательский отдел
Раифского Богородицкого монастыря

Анатолий
Михайлович
Елдашев

До революции 1917 года в самом Раифском монастыре и приписанных к нему было шесть часовен.

Первая деревянная часовня была построена по предложению основателя Раифской пустыни инок Филарета, которая заменила собой церковь для немногочисленного тогдашнего братства. Это было до 1661 года. Сведения о месте, где она стояла, до наших дней не дошли¹.

Вторая каменная часовня находилась на проселочной, так называемой, Галицкой дороге, на том месте, где сегодня находится памятник классового примирения участников Гражданской войны в России 1918 года. История этой часовни такова. В 1831 году игумен Амвросий доносил Епархиальному начальству, что с давнего времени при Раифской Пустыни, расстоянием от нее не более как с четверти версты, напротив самого монастыря при большой дороге на возвышении существовала деревянная часовня (ее будем считать, как третью часовню). К тому времени она обветшала, на этом месте был поставлен каменный столб, но и он вскоре разрушился.

По проекту губернского архитектора Шмидта квадратная в плане часовня (4 на 4 метра) вскоре была построена. В ней был устроен

небольшой иконостас со списком с чудотворного образа Божией Матери «Грузинская».

Четвертая часовня находилась при вотчинной деревне Васильево. Считается, что она возникла в 1813 году. Игумен Раифской Пустыни Иларий просил владыку Павла, архиепископа Казанского и Свияжского о дозволении построить монастырскую часовню в деревне Васильево при казенном перевозе, в 12 верстах от обители. В прошении указывалось две причины.

Во-первых, чудотворная икона Божией Матери «Грузинская» ежегодно переносилась из Пустыни в Свияжские монастыри для поклонения православными. И необходимо было пристанище для нее, особенно во время перевоза через Волгу, подчас вызванными неблагоприятными погодными условиями. Во-вторых, ввиду того, что обитель находилась от города на значительном расстоянии и она, естественно, нуждалась в доходе.

Эта деревянная часовня ежегодно устанавливалась на берегу Волги после половодья, а в предзимье она разбиралась. Все это причиняло большие трудности и неудобства. хлопотами настоятеля обители отца Варлаама в конце 1870-х годов была построена каменная часовня².

Пятая часовня находилась на дальнем устье реки Казанки. В монастырских документах она значилась как «часовня Грузинской Богородицы на устье Казанки». Время ее происхождения неизвестно. О ней имеются сведения в ведомости о монастырях Казанской епархии за 1741 год. Но к середине XIX века ее следы теряются³.

Шестая каменная часовня Раифской обители была в Казани, она уже существовала к 1764 году. Сегодня трудно судить почему эта часовня пришлось не по нраву архиепископу Казанскому и Свияжскому Амвросию (Подобедову), но ввиду прибытия в Казань Государыни Императрицы Екатерины II (май 1767 года), часовня была разобрана. По всей видимости, она стояла недалеко от Иоанно-Предтеченского мужского монастыря, так как некоторые иконы из нее были отданы на сохранение именно в этот монастырь.

В эту обитель были переданы иконы Божией Матери «Грузинская», Божией Матери «Кипрская», Божией Матери «Умиление», Свяителя Николая, Чудотворца. Первое время братия Иоанно-Предтеченского монастыря отказывалась принимать иконы и утварь из этой часовни. Но икона Божией Матери «Умиление» так полюбилась им и прихожанам, что они в дальнейшем не только не пожелали ее вернуть в Раифскую Пустынь, но и обратились с прошением к Казанскому владыке Серапиону, чтобы сей образ остался у них, как особо почитаемый и, что они вознамерились облечь икону в серебряную ризу.

1. Малов Евфимий, протоиерей. Раифская Богородицкая пустынь Казанской епархии. — Казань: Типография А. А. Коковиной, 1880. — С. 88.

2. Малов Евфимий, протоиерей. Указ. соч. — С. 89.

3. Малов Евфимий, протоиерей. Указ. соч. — С. 90.

4. Малов Евфимий, протоиерей. Указ. соч. — С. 92

**Алексей
Федорович
Степанов,**
председатель
Казанского
общества
«Мемориал»

Опись имущества Ряифской Богородицкой пустыни

Декретом об отделении Церкви от государства и школы от Церкви от 23 января 1918 года все церковное имущество было национализировано (социализировано). Имущество переходило в ведение местных Советов, которые могли им распорядиться по собственному усмотрению либо передать в бесплатное пользование группам верующих согласно составленной в трех экземплярах инвентарной описи (по одному экземпляру «двадцатке», Совету и Наркомюсту). Верующие в лице церковно-приходского совета заключали с Советом типовой («нормальный») договор с обязательством бережно хранить вверенное им имущество и «пользоваться им исключительно соответственно его назначению» «исключительно для удовлетворения религиозных потребностей...» Верующие обязывались не допускать в храмах: «а) политических собраний враждебного Советской власти направления; б) раздачи и продажи книг, брошюр, листов и посланий, направленных против Советской власти или ее представителей; в) произнесения проповедей и речей, враждебных Советской власти или ее отдельным представителям, и г) совершения набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти...».

В инвентарную опись всего богослужебного имущества должны были вноситься «все вновь поступающие (путем пожертвований, передачи из других храмов и т.п.) предметы религиозного культа, не представляющие частной собственности отдельных граждан». За «пропажу или порчу» переданных Советом предметов предполагалась солидарная материальная ответственность подписантов.

Процитированные нами положения типового договора из Инструкции Наркомата юстиции РСФСР от 24.08.1918 вошли в «нормальный» договор уездной комиссии по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства исполкома Казанского уезда от 4 августа 1920 года о передаче в бесплатное

пользование общине насельников Раифского монастыря его построек и имущества. Договор подписали иеромонахи Сергей* и Азарий. (См. ГА РТ, ф. Р-732, оп. 1, д. 374, л. 90-90 об.)

Ниже публикуется описание имущества Раифского монастыря, сохранившаяся в фонде ЦИК ТАССР Государственного архива Республики Татарстан. (ГА РТ, ф. Р-732, оп. 1, д. 374, 119 л. Материалы об использовании территории и помещений Раифского монастыря).

* ИЕРОМОНАХ СЕРГИЙ (Гуськов Павел Иванович (Сергий), (1873) 1876 г.р., урож. с. Мансурово Сараловской вол. Лаишевского у., жил: с.Бело-Безводное Казанского-Пригородного р-на ТАССР (у Надежды Прокофьевой), из крестьян, русский, обр. низшее, холост, священник, иеромонах Раифского монастыря с 1910 г. (послушник 9 лет, монах три года, диакон один год); в 1919 г. вр. настоятель Раифского монастыря; лишенец; жил на средства незамужней сестры Веры Гуськовой. Арестован в 1918 г., освобожден.

Арестован 5.05.1919, освобожден в мае 1919 г. Арестован вновь 4.08.1919 КазгубЧК, освобождены 5.08.1919. Арестован 15.11.1929 по обвинению по ст.168 ч.1 УК по делу о хищении(?) имущества Раифского монастыря, открытого 5.11.1929, помещен в Каз. предварит. дом заключения (КПДЗ); 20.12.1929 освобожден под подписку о невыезде. Арестован 26.01.1930 по обвинению в участии в зверском убийстве красноармейцев в 1918 г. в Раифском монастыре, АСА, связях с кулачеством; с корыстной целью удержал монастырское имущество. Виновным себя не признал. Осужден тройкой ГПУ ТАССР 20.02.1930 по ст. 58-10, 58-11. Приговор: ВМН, конфискация имущества, выселение семьи в Северный кр. Расстрелян 10.08.1930 в г. Казань. Реабилитирован 26.03.90; 14.06.02.

4 августа 1920 г.*

ОПИСЬ ХРАМОВ, храмовых церковных зданий, храмового церковного имущества движимого и недвижимого, передающегося в бессрочное и бесплатное пользование общине монашествующих насельников основанной в 1613 году Раифской Богородицкой пустыни. Согласно положенной инструкции Комиссариата юстиции по проведению в жизнь декрета от 23 января 1918 года об отделении Церкви от государства.

ОТДЕЛ I. ХРАМЫ [И] ХРАМОВЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ЗДАНИЯ

I. Холодный собор каменный однопрестольный во имя св. Троицы, окончен постройкой на месте старого храма в 1910 году с храмовым церковным корпусом, занимаемым братией, обслуживающей и занятыми церковными обязанностями.

II. Теплый собор во имя Пресвятой Богородицы в честь ея иконы Грузинския трех престольный: 1. Во имя Б.М. в честь Ея иконы Грузинския. 2. Во имя Св. Иоанна Златоустаго построен в 1842 году, при нем помещение для настоятеля и священнослужителей этого храма. И корпус для братии, обслуживающей церковные обязанности.

III. Храм во имя преп. Отец в Синае и Раифе избивенных однопрестольный, при нем братская трапеза, кухня с подвалами, ледник и помещение для братии. При нем братский корпус с помещениями для хлебопекарни, сапожной мастерской и братии, обслуживающей эти послушания.

IV. Храм во имя св. муч. Софии, Веры, Надежды, Любви, однопрестольный, при нем корпус для братии, внизу помещение для братии и богомольцев, ледник и хозяйственные кладовые. Часть этого корпуса занята Государственной Властью.

V. Храм при колокольне во имя Св. Архистратига Михаила, однопрестольный, освящен в 1889 году.

Деревянный пятистенный дом снаружи обложен кирпичом, занятый Государственной Властью. На монастырской ограде находится пять каменных башен: в 1 столярная мастерская с отдельным помещением для братии, обслуживающей это помещение. Во 2 бондарная мастерская с отдельным помещением для братии и пятистенный деревянный амбар. В 3 кузница с хозяйственными сараями. В 4 булочная с лавкой и отдельным помещением для братии и в 5 хозяйственные сараи.

Итого храмов пять (5), храмовых церковных зданий пять (5)**.

VI. Постройка вне монастыря.

Два деревянных странноприимных трех и двух этажных дома и пять деревянных флигелей с кухнями и ледниками для приезжающих в летнее время богомольцев. Деревянный скотный двор при нем, два дома с теплушками, сараями и ледником, занятый Государственной Властью.

ОТДЕЛ II. КОЛОКОЛЬНЯ И КОЛОКОЛА

1. Большой колокол весом 441 пуд 34 ф. 2. Средний [колокол весом] 206 пуд 34 ф. 3. Малые 3 колокола и 5 зазвончиков.

ОТДЕЛ III. АЛТАРЬ И СВ. ИКОНЫ

ХОЛОДНЫЙ СОБОР ВО ИМЯ СВ. ТРОИЦЫ

Престол деревянный окован металлическими облачениями и высеребрен выс[отой] 1 ар[шин] 5 в[ершков], дл[иной] 1 ар[шин] 11 вер[шков], шир[иной] 1½ ар[шин], на нем Антиминс желтый атласный.

Жертвенник деревянный окован металлическими облачениями, высеребрен, высотой 1 ар[шин] 5 в[ершков], дл[иной] 1 ар[шин] 5 в[ершков], шир[иной] 1 ар[шин] 2 в[ершка].

Иконы в алтаре

На горнем месте Нерукотворный образ Спасителя в металлической высеребренной ризе. Запрестольные Крест Спасителя и Икона Бож. М. живописной работы. Большой Крест Спасителя живописной работы и икона Бож. М. в металлической высеребренной ризе. На жертвеннике крест и две иконы в алтаре живописной работы (крест Спасителя, иконы Бож.М. и Иоанна Предтечи).

Предалтарный иконостас

О трех ярусах с колоннами, украшенными резьбой и весь вызолочен. В иконостасе иконы на обеих створах Царских Врат Благовещение Пр. Богородицы и четырех Евангелистов.

Икона св. Троицы в металлической высеребренной ризе длиной 1 ар[шин] 3 в[ершка], шир[иной] 1 ар[шин] 11 в[ершков].

Икона Грузинской Бож. Мат. иконописной работы, риза шитая простым бисером с вызолоченным венчиком, икона в металлическом ковчеге, вставлена

в икону, изображающую чудеса Грузинской Б.М., серебряная вызолоченная д[линой] 1 ар[шин] 11 в[ершков], ш[ириной] 1 ар[шин] 2 в[ершка].

В первом ярусе местных икон: 3 Спасителя, 3 Б.М., 2 св. Евфимия и Димитрия, 2 Арх. Михаила и Гавриила живописной работы, д[линой] 2 ар[шина] 10 в[ершков], ш[ириной] 13 в[ершков] каждая. Во втором ярусе над Царскими Вратами иконы: 1. Тайной вечери, 2. Воскресения Христова и 3. Св.Троицы, полукруглые, и двенадцать праздников мелкие полукруглые живописной работы. В третьем ярусе иконы: Спасителя, полукруглая, и две – Апостолов д[линой] 2 ар[шина] 10 в[ершков], ш[ириной] 13 в[ершков] и две мелкие полукруглые. За клиросами у колонн иконы: 4 живописной работы полукруглые и 2 иконописной работы в металлических высеребрянных ризах д[линой] 1 ар[шин] 14 в[ершков], ш[ириной] 1 ар[шин] каждая. На правой стороне у колонны: икона вел. муч. Пантелеймона живописной работы д[линой] 1 ар[шин] 6 в[ершков], ш[ириной] 14 в[ершков]. Аналог с Образом Спасителя живописной работы, риза шитая простым бисером, д[линой] 12 в[ершков], ш[ириной] 11 в[ершков].

На левой стороне у колонны: икона, изображающая Собор Б.М. живописной работы в металлической высеребрянной ризе д[линой] 1 ар[шин] 5 в[ершков], ш[ириной] 1 ар[шин]. Аналог с образом Б.М. живописной работы, риза шитая простым бисером д[линой] 12 в[ершков], ш[ириной] 11 в[ершков]. У клиросов две хоругви металлических и две писаных на полотне.

ТЕПЛЫЙ ХРАМ ТРЕХПРЕСТОЛЬНЫЙ

1. Во имя Бож. Мат. в честь Ея иконы «Грузинския».
2. Во имя св. Николая и 3 во имя Иоанна Златоустаго.

Престол деревянный окован металлическим высеребрянным облачением в 1 ар[шин] 7 в[ершков] д[лины] и ш[ириной] 1 ар[шин] 9 в[ершков], на нем Антиминс желтый атласный.

Жертвенник деревянный, облачение белое парчовое, выс[отой] 1 ар[шин] 8 в[ершков], дл[иной] и шир[иной] 1 ар[шин] 2 в[ершка].

Иконы в алтаре:

На горнем месте Образ Спасителя писан на полотне, наверху три иконы: Спасителя, Бож. М. и Иоанна Крестителя, над Царскими Вратами икона св. Троицы, писаны на полотне.

Над жертвенником икона Спасителя иконописной работы в высеребрянной металлической ризе д[линой] 1 ар[шин], ш[ириной] 12 в[ершков].

Пределтарный иконостас

О двух ярусах с колоннами, украшенными резьбой, и весь вызолочен. Одни Царские Врата металлические высеребрянные с иконами Благовещения Пресвятой Богородицы и четырех Евангелистов.

Местная икона Спасителя в металлической высеребрянной ризе иконописной работы д[линой] 2¼ ар[шина], ш[ириной] 1 ар[шин] 1 в[ершок]. Икона Грузинской Б.М. в металлическом высеребрянном ковчеге иконописной работы, риза шитая простым бисером с вызолоченным венчиком, вставлена в икону, изображающей чудеса Грузинской Б.М. иконописной работы в металлической высеребрянной ризе.

В первом ярусе трех престолов всего икон, кроме 2-х местных главного придела, 18 икон, из них две иконописной работы в металлических высеребрянных ризах, а остальные 16 – живописной работы. Над Царскими Вратами икона Спасителя живописной работы в металлической высеребрянной ризе, длина всех икон общая приблизительно 2 ар[шина] и 1 ар[шин]. Во втором ярусе двенадцать икон праздников живописной работы мелкого размера.

Приделы в сем храме:

Правый придел во имя св.Николая.

Престол деревянный, облачение желтое парчовое выс[отой] 1 ар[шин] 5 в[ершков] и ш[ириной] 1 ар[шин] 2 в[ершка], на нем Антиминс желтый атласный.

Жертвенник деревянный, облачение желтое парчовое выс[отой] 1 ар[шин] 5 в[ершков], д[линой] и ш[ириной] 1 ар[шин] 2 в[ершка].

Левый придел во имя св. Иоанна Златоустаго.

Престол деревянный, облачение желтое парчовое, на нем Антиминс желтый атласный выс[отой] 1 ар[шин] 5 в[ершков], д[линой] и ш[ириной] 1 ар[шин] 4 в[ершка].

Жертвенник деревянный, облачение желтое парчовое выс[отой] 1 ар[шин] 5 в[ершков], д[линой] и ш[ириной] 1 ар[шин] 2 в[ершка].

На правой стороне у колонны.

Икона нерукотворного Образа Спасителя иконописной работы в металлическом ковчеге, на нем серебряная риза дл[иной] 8½ в[ершков], ш[ириной] 8 в[ершков], рядом икона Свят[ителя] в металлической высеребрянной ризе д[линой] 1¼ ар[шина] 15 в[ершков], рядом икона Б.М. Достойно Есть живописной работы д[линой] 2 ар[шина], ш[ириной] 1 ар[шин] 5 в[ершков]. Большой крест живописной работы.

5 Евангелий в восьмую долю листа в металлическом окладе.
2 креста серебряных вызолоченных.
3 [креста] медных.
1 [крест] серебряный.
2 потира серебряных вызолоченных.
2 диска [серебряных].
2 звезды [серебряных].
4 тарелочки [серебряных].
1 [тарелочка] медная.
2 ложки серебряных.
2 ковшичка [серебряных].
1 потир металлический для приобщения больных без принадлежностей.
3 дарохранительницы в виде часовни метал[лицеск]ая.
1 кадило серебряное.
3 [кадил] медных.
1 блюдо медное.
3 укропка(?) медных для ношения теплоты.
1 укропка(?) никелированный.
2 сосуда для водоосвящения; металлический.
1 умывальник медный.
1 таз.
2 рипид.
1 дикий.
1 трикий.
5 семисвечников.
2 трисвечника.
32 подсвечника металлических.
38 лампад.
8 паникадил.

3 свечных ящика.
4 шкафа для Богослужбных книг.
12 шкафов для церковных принадлежностей.
10 аналоев.
2 саккоса желтых с омофорами.
5 митр.
22 фелони желтых с принадлежностями.
14 [фелоней] белых.
12 [фелоней] красных.
12 [фелоней] зеленых.
6 [фелоний] бархатных.
12 стихарей желтых с принадлежностями.
7 [стихарей] белых.
4 [стихаря] красных.
4 [стихаря] зеленых.
3 [стихаря] бархатных.
27 воздухов с покровцами.
48 пелен на Престолы и жертвенники.
15 облачений на аналои.
21 платок.
9 завес к Царским Вратам.
13 [завес к] иконам.
20 ковров.

ИКОНЫ В РИЗНИЦЕ

2 копии с иконы Грузинской Божией Матерью иконописной работы.
1 икона Воскресения Христова иконописной работы.
12 икон праздников иконописной работы
1 [икона] Знамения Бож. Мат. иконописной работы, шитая простым бисером.

5 икон праздников и святых иконописной и живописной работы.

1 киот большой польского серебра

4 [киота] малых с ковчегами металлических.

1 ковчег польского серебра.

(ГА РТ, ф. Р-732, оп. 1, д. 374, л. 83-89об. Рукопись)

* Датируется по сопроводительному документу (договору).

** На 11.06.1924 из 5-ти монастырских церквей (3-летних и 2-зимних) служба проводилась лишь в одной летней (там же, л. 12).

СПИСОК НАСЕЛЬНИКОВ

Раифской пустыни на 1920-й год,
составленный в связи с заключением договора о передаче
общине имущества и построек Раифского монастыря

Монах Антоний, монах Феодосий, монах Самуил, монах Макарий, монах Нестор, инок Василий, [Павел Мягин] за неграмотного Павла Мягина инок Василий [подписал], Иван Бодряшкин, Григорий Иванов, Павел Ермолаев, Иаков Николаев, Игнатий Павлов, Феодор Тимофеев, Александр Сибельдин, Стефан Токарев, Осип Пеняев, Григорий Терехин, Владимир Камбулов, гражданин Иван Петров Сенюшин, Поликарп Сенюшин, Семен Сидоров, Игнатий Любимов, Максим Федоров, Максим Ефимов, Иван Лаврентьев, Димитрий Степанов, Стефан Абрамов, Василий Абрамов, Матфей Прокофьев.

Копия

ПРОТОКОЛ

Мы, насельники монастырской общины при Раифской Богородицкой пустыни, настоящим уполномочиваем представителей своей общины иеромонахов Сергей и Азария при включении прилагаемого соглашения ходатайствовать пред казанским уездным исполнительным комитетом в лице его комиссии о том, чтобы все помеченные в нашей описи предметы действительно были в исключительном пользовании нашей общины и не приобретали бы никакого другого нерелигиозного направления.

Ис. об. Настоятеля иеромонах Сергей

Иеромонах Макарий

[Иеромонах] Азарий

[Иеромонах] Исаакий

[Иеромонах] Варлаам

[Иеромонах] Авенир

[Иеромонах] Иоанн

[Иеромонах] Митрофан

[Иеромонах] Мокий

[Иеромонах] Иосиф

Монах Савватий

[Монах] Георгий

[Монах] Николай

Ис. об. Настоятеля иеромонах Сергей

Иеромонахъ Азарий

Иеромонахъ Авениръ

(ГА РТ, ф. Р-732, оп. 1, д. 374, л. 91-92. Рукопись)

ДРЕВЛЕХРЯНИЛИЩЕ

ДЕРЕВЯННО-ЦЕРКОВНЫЙ МУЗЕЙ

фский Богородицкий мужской монастырь. Райфский Богородицкий мужской монастырь. Райфский Богородицкий мужской монастырь.

М. А. Маханько

**ЦЕРКОВНЫЕ
и монастырские
музеи (древлехранилища)
в Российской империи
на рубеже XIX—XX веков**

стр. 114–127

Е. П. Ключевская

**ОЗ ИСТОРИИ формирования
древлехранилища
церковного историко-
археологического общества
Казанской епархии**

стр. 128–147

3

эксперты

экскурс

ЦЕРКОВНЫЕ И МОНАСТЫРСКИЕ МУЗЕИ (ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА) В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

**Мария
Александровна
Маханько,**
кандидат
искусствоведения,
старший редактор
Церковно-научного
центра
«Православная
энциклопедия»

**Вторая половина XIX века
стала поворотной эпохой
для собирания и изучения
церковных древностей.
Это время можно по праву
назвать периодом расцвета
церковной археологии.**

РЕДУЩИЕ УЧЕНЫЕ, например, И. Д. Мансветов, в 1872 году писали о необходимости церковно-археологических музеев как необходимой части духовного образования, общей культуры и основы церковной науки. Указом от 19 января 1884 году Святейший Синод потребовал образования архивных комиссий при консисториях для концентрации документов. Епархиальных церковно-археологических обществ к рубежу XIX— XX веков насчитывалось около полусотни.

Однако уже в самых первых епархиальных древлехранилищах-музеях занялись собиранием не только документов (на бумаге) — рукописей, книг и актов, — но и вещественных памятников, как принято было называть артефакты, предметы изобразительного искусства, памятники археологии, эпиграфики, нумизматики. Подобные институты стали возникать почти одновременно, в разных епархиях как древних, так и молодых, во многочисленных и малочисленных, в центральных и отдаленных. У процесса «музеефицирования» церковного наследия есть своя хронология, ее интересно рассматривать подробно, поскольку Церковь, как и столетием раньше, снова проходит тот же этап — решает, каким образом ей поступить с тем миром старых предметов, который уже не выдерживает функциональной нагрузки и представляет скорее предмет охраны, сохранения, нежели активного использования.

Уже в 1885 году было образовано Нижегородское епархиальное древлехранилище, в котором интерес был оказан прежде всего богослужебным и древним книгам, а также богослужебным предметам (утвари). В его работе принимал участие А. Ф. Можаровский, выпускник Казанской духовной семинарии (после 1917 году это собрание было расплывено, лишь 21 рукопись выявлена в Нижегородской государственной областной универсальной библиотеке). Старейшими стали также древлехранилища, возникшие в 1886 году в Архангельске и Владимирское. В 1893 году по архиерейскому указу возникло Вологодское древлехранилище, открывшееся в 1896 году. Путеводитель по нему был составлен к 1900 году, в нескольких выпусках были описаны хранящиеся в нем акты (свитки). Первые усилия, в соответствии с синодальным указом, были направлены на собирание, систематизацию и изучение актов и рукописей.

Активными были и южные епархии. С 1893 года существовало древлехранилище Волынской епархии в Житомире, а также древлехранилище в Тифлисе. Церковные музеи формировались не только вокруг синодальных учреждений, но и общественных. Например, во Владимире инициативу создания церковно-исторического древлехранилища проявило православное братство, носившее имя князя Александра Невского. На рубеже XIX—XX веков братство выпустило каталоги старопечатных книг, охватывавшие издания, поступившие из библиотек архиерейского дома, владимирских, суздальских и муромских монастырей, а также каталог рукописей; были сфотографированы некоторые предметы, в том числе предметы личной святости, из архиерейских ризниц. Волынское древлехранилище также существовало при братстве в честь великого князя Владимира, Тобольское церковное древлехранилище — при братстве св. Димитрия Солунского, Рязанское — при братстве святителя Василия, епископа Рязанского.

К рубежу XIX—XX веков епархиальные древлехранилища существовали в Туле, в Твери. С тульским сотрудничали любители старины и ее знатоки, которые принимали позднее участие в создании музея на территории Троице-Сергиевой лавры, такие как, например, русский искусствовед, реставратор Ю. А. Олсуфьев. При их участии и через посредство Тульского отделения Общества охраны в России памятников искусства и старины был издан тематический альбом¹. В 1907 году было открыто епархиальное древлехранилище при церковном историко-археологическом обществе в Казани, к его деятельности проявили интерес университетские и музейные городские сообщества.

В южных губерниях с началом XX века прибавились епархиальные древлехранилища Подольское, Черниговское, Полтавское, памятники из этого собрания принимали участие в выставке, сопровождавшей проведение археологического съезда в Чернигове 1908 года. В результате этого съезда, особенно Черниговское древлехранилище, пополнилось в период подготовки и проведения в Чернигове всероссийского археологического съезда, часть экспонатов, переданных для экспонирования из уездных церквей и монастырей, были переданы именно в епархиальное древлехранилище. Необходимость в

институтах, которые могли бы заниматься изучением церковных древностей, пропагандировали ведущие историки искусства того времени, как, например, К. Е. Редин. Он отмечал, что в Харькове (городе, где он тогда преподавал) существует университетский музей, но подчеркнул, что нет в нем церковных древностей, а приближающийся в 1900 году Археологический съезд в городе создает насущную необходимость именно в церковном музее: «Надо подготовиться к съезду, чтобы в ближайшее время у нас был создан музей местных древностей»².

Церковные музеи формировались при духовных учебных заведениях, являясь важной составной частью образовательного процесса. В 1879 году по инициативе профессора Н. В. Покровского был образован Церковно-археологический музей при Санкт-Петербургской духовной академии. Покровский посвятил множество публикаций целям и задачам церковной археологии как науки о развитии христианского искусства, задачам церковных музеев, музеев местной церковной культуры, упоминая в качестве примера древнейший церковный музей христианской Европы — папский музей в римском Латеране, характеризуя местное значение музеев с церковными коллекциями в Германии, Франции, указывая полное отсутствие музеев с византийскими древностями в Европе и России.

К 1909 году основанный Покровским музей отпраздновал два десятилетия существования. Хотя в целом организацией епархиальных музеев занимались местные церковно-археологические комитеты при синодальных учреждениях, крупнейшие и важнейшие монастыри империи также приходили к идее их необходимости. Организация музея требовала не столько денежного вклада, сколько личного труда. В древнейшем монастыре столицы, Санкт-Петербурга, в Троицкой Александро-Невской лавре, непосредственным организатором древлехранилища (церковно-археологического музея) был послушник Федор Морозов, будущий многолетний сотрудник Эрмитажа. Он был назначен на это место властями монастыря и владыкой столицы, содействовал научной организации ее архива. Проекту — Лаврский Церковно-археологический музей будет музеем Петербургской епархии — не суждено было сбыться³.

Еще один крупный музейный «проект» с наступлением нового века начал работу на Валааме. Во исполнение указа Святейшего Синода от 25 июня

*Домовая церковь Гурия Казанского
в бывшем Архиепископском доме.
Фото конца XIX века:
«Казань на старинных открытках»*

1911 г. за № 18, по предложению Финляндского епархиального начальства в Валаамском монастыре было создано «музейное учреждение» для всех Финляндских причтов и Коневского монастыря. Им было отдано распоряжение присылать сюда свои древности, а также снимки всего имеющегося: памятников, предметов богослужения и святынь — для истории существования Православной Церкви в Финляндии. Заведовать Древлехранилищем был назначен член историко-археологического комитета, иеромонах Поликарп. Музей продолжил свое существование и работу даже после страшных событий гражданской войны уже в составе нового государства, Финляндии, в 30-х гг. XX в. После эвакуации вглубь Финляндии это собрание стало основой церковного Православного музея в Куопио.

Северные губернии России влились «жемчужинами» в эти просветительские инициативы: епархиальные древлехранилища возникли в Карелии (Олонецкое). В Великом Новгороде, почитавшемся колыбелью российской государственности, 3 января 1913 года было открыто Новгородское епархиальное древлехранилище, место для которого было выбрано в западной части архиерейского дома в Кремле (Детинце). Первыми поступлениями стали экспонаты выставки к XV Археологическому съезду в Новгороде, к 1916 году был уже собран его первый каталог. В 1918 году древлехранилище было преобразовано в историко-археологический музей и Музей древнего и нового искусства; с 1919 года — Новгородское древлехранилище как самостоятельный музей наряду с историко-археологическим, хранитель — А. В. Никифоровский (1875—1937).

На территории древних земель Поволжья, на границе Древней Руси с тюркским миром, возникали новые историко-археологические общества, видевшие свою задачу в создании древлехранилища как, например, в Саратове в 1913 году (одна из его целей — создание музея (древлехранилища) — была сформулирована уже на первом собрании 7 февраля 1913 года), Симбирске — в 1914 году в работе Е. А. Поляковой и Г. И. Витовтовой перечислено сорок шесть епархиальных учреждений, связанных с церковной историей и археологией, в том числе музейных, возникших с 1872 по 1914/16 годы: церковно-археологические епархиальные музеи и кабинеты, кроме них — около тридцати музеев основаны при кафедральных храмах, духовных образовательных учреждениях, религиозных братствах в период с 1880 по 1912 года⁴.

в 1909 году — ряд памятников (в 23 фототипиях) из ризницы костромского Ипатьева монастыря, в 1913 году выпускает в свет труд, посвященный ризнице новгородской собора Святой Софии. Эта книга становится крупнейшим событием в истории русской церковной археологии, значение ее остается важным по сей день. Для многих вещей из бывшего уже собрания софийской ризницы только она — бесценный и единственный источник сведений. Только по опубликованным в ней изображениям можно оценить состояние сохранившихся и утраченных памятников, шедевров из древнейшего храма Северной Руси. Книгу сопровождали двадцать три фототипии (работы фотографа П. Павлова) и тридцать пять снимков внутри текста, что резко увеличивало ее ценность и отличало от традиционных описаний прежнего времени. Сочетание новых технологий и новых инициатив давало толчок новому культурному движению.

Активно используются новые технологии, прежде всего фотография. И. Ф. Барщевский в 80-90-е годы XIX века, а в 1910-е годы. С. В. Горский-Невоструев снимают в ризницах небольших церквей и знаменитых монастырей России. Наиболее известны фотографии Барщевского, снятые с памятников древнерусской архитектуры в городах Верхнего Поволжья, в Москве, в Кирилловом монастыре. Фотографии некоторых предметов вошли в состав многотомного издания к юбилею династии Романовых в 1913 году, подготовленного императорским Строгановским училищем. В альбоме Прокудина-Горского «Мариинский водный путь» (1909) есть фотографии старинных царских врат из церквей в Девятинах, икон и Евангелий из часовни в селе Петровское (ныне Старое Петровское), иконы из Ильинской церкви Белозерска, предметы утвари из Христорождественской церкви в деревне Крохино. В том же альбоме 1909 года — фотографии из ризницы и иконостасов Воскресенского Горицкого монастыря, лицевой покров и рака преподобного Кирилла в Кирилловом Белозерском монастыре; в альбоме «Район Волги» (1910) — предметы из ризницы Старицкого Успенского монастыря, в альбоме «Район Волги. Продолжение» (1911) — из Тверского музея-древлехранилища, Вознесенского Оршинского монастыря, костромского Ипатьевского монастыря, ростовских монастырей — Спасо-Яковлевского (Зачатьевского), Архиерейского дома (Ростовского музея) и другие. Прокудин-Горский использует собственный метод для создания цветных

изображений, за что современные историки искусства должны быть ему особо благодарны. Фотографические аппараты применяют и в монастырях на православном Востоке, самый яркий пример — Святая гора Афон. Фотографируются древности различных храмов, как правило, наиболее прославленных и древних. Эти фотографии служат для иллюстрации готовящихся к публикации сокровищ епархиальных хранилищ.

Знакомы с новейшими технологиями были и в Казанской епархии. Судя по архивным упоминаниям, протоиерей Благовещенского собора А. П. Яблоков имел фотографии с каких-то предметов из сокровищ кафедрального собора. Современники вменяли ему в вину, что он не склонен был показывать предметы во время докладов на заседаниях университетского или епархиального общества в Казани, а только их фотографии. **«Протоиерей Яблоков усердно охранял эту ризницу и в своей ревности заходил так далеко, что в заседаниях Церковно-Археологического общества демонстрировал не самые предметы, а лишь фотографии с них, несмотря на то что заседания происходили тут же рядом с собором в архиерейском доме»⁵.**

Небольшая опубликованная протоиереем Яблоковым в 1909 году брошюра о кафедральном Благовещенском соборе Казани осталась единственным научным трудом об убранстве самого первого из городских христианских храмов Казани, созданным до уничтожения его внутреннего облика. Яблоков составлял краткие описания внешнего облика предмета, материала, надписей. Фотоархив Яблокова остается не выявлен в казанских архивах или музейных хранилищах. Скорее всего, он погиб, учитывая обстоятельства жизни в Казани священнослужителей осенью 1917 — летом 1918 года. Сам Яблоков покидал Казань с белочехами летом 1918, но по возвращении осенью еще какое-то время пытался вести хозяйство кафедрального храма вплоть до его передачи обновленцам в ноябре 1925 года. При обновленцах фотоархив также не имел шансов на спасение.

Тот факт, что протоиерей Яблоков использовал фотографии с предметов ризницы при выступлениях в Церковно-археологическом обществе Казани, позволяет думать, что и он был вдохновлен возможностями новой репродукционной техники и со временем мог бы повторить опыт

Н. В. Покровского. Скорее всего, фотографии ризничных сокровищ были им подготовлены к 1916 году и должны были свидетельствовать не столько о скаредности и ревности ключаря и казначея (что должно быть присуще лучшим исполнителям подобных должностей), сколько о прогрессивности взглядов и знании новых научных технологий.

В том году Яблоков организовал выставку предметов из ризницы кафедрального собора. Она была расположена в одном из приделов Благовещенского собора. Вероятно, именно эти фотографии, а также негативы к ним имел в виду искусствовед и сотрудник музейной коллегии В. П. Соколов (псевдоним «Сокол») на экстренном заседании коллегии Казанского подотдела по делам музеев и охраны памятников 30 сентября 1919 года, во время вскрытия ризницы ГубЧК. Судя по протоколу заседания, именно Соколов говорил о том, что «ризница эта снималась [на фото] прежде и негативы хранятся где-то». За поиском отпечатков и негативов Соколов предлагал «обратиться к Ивановскому», что можно понимать как обращение к Ивановскому настоятелю, то есть наместнику казанского Иоанновского (Ивановского) монастыря архимандриту Иоасафу (Удалому).

Таким образом очевидно, что в начале XXI века организация при действующих храмах, монастырях, соборах, епархиальных структурах музейных институтов опирается на уже существовавший опыт, проходит повторную апробацию. Музеефикация древностей как часть исторически оправданного этапа «культурного взросления» характерна и для церковной культуры, для истории Церкви в современном мире.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Л. С., Горбатов А. В. Церковный музей в дореволюционный период: этапы и факторы становления // Вестник Кемеровского гос. университета. 2018. № 2. С. 5—10.
- Алексеева Л. С., Горбатов А. В. Деятельность церковных музеев Сибири по сохранению историко-культурного наследия // Вестник Томского государственного университета. Культура и культурология. 2018. № 32. С. 101—108.
- Археологический съезд. Предварительный комитет. Труды XIV археологического съезда в Чернигове. К., 1908.
- Барщевский И. Ф. Церковно-исторические памятники и вклады Дома Романовых Московского периода: В 8 вып. М., [б. г.]
- Безродин В. А. Организация церковно-археологических музеев в России // Вестник молодых ученых в России: Исторические науки: Археология: Спец. выпуск. 2001. № 1.
- Бугославский Г. К. Рукописные евангелия Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск, 1904.
- Виноградова Е. А. Из истории коллекции древнерусской живописи Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника: Вологодское древлехранилище // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства: сб. ст. по материалам научной конференции, 25—28 мая, 2010 г. М., 2012. С. 275—290.
- Георгиевский В. Владимирское православное братство Александра Невского. Церковно-историческое древлехранилище. Каталог старопечатных книг церковно-исторического древлехранилища при Братстве святого благоверного великого князя Александра Невского / [предисл. В. Георгиевского]. Вязники: Типо-лит. С. К. Матренинского, 1898.
- Воскресенская А. Э. Музей Коневского Рождество-Богородицкого мужского монастыря в 30-е гг. XX в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 1 (25). С. 134—154.
- Древлехранилище Александро-Невской лавры: 1712—1910 г.: Краткая опись. СПб., 1910.
- Епархиальное Древлехранилище в Валаамском монастыре: Краткое описание. СПб., 1913.
- Здравомыслов К. Я. Сведения о существующих в епархиях церковно-археологических учреждениях и консисторских архивах. Петроград, 1917.
- Каталог Новгородского епархиального древлехранилища. Новгород, 1916.

1. Памятники искусства Тульской губернии. Материалы [Тульского отдела Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины]: [альбом]. М.: Синодальная тип., 1912—1914. Год I. Вып. I. 1912.
2. Редин К. Е. Памятники церковных древностей Харьковской губ. Харьков, 1900. С. 12, 15.
3. Щеглов Г. Э. Хранитель: Жизненный путь Ф. М. Морозова. Минск, 2012. С. 11—76.
4. Полякова Е. А., Витовтова Г. И. Церковно-археологические учреждения России и их структурные подразделения во второй половине XIX — начале XX вв. // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 258—259.
5. Степанов А. Ф. Художественные сокровища ризницы казанского Благовещенского собора // Вестник церковной истории. 2014. N1—2 (33/34). Ч. 1. С. 310.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВЛЕСХРАНИЛИЩА ЦЕРКОВНОГО ИСТОРИКО- АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ

**Екатерина Петровна
Ключевская,**
кандидат
искусствоведения

БРУТ ПУБЛИКАЦИЙ, посвященных религиозно-философскому «ренессансу» и проблемам православного искусства на рубеже XIX–XX веков, чрезвычайно широк. К сожалению, гораздо в меньшей степени мы осведомлены о том, как протекали эти процессы в провинции.

Последняя треть XIX—начало XX веков отмечены повсеместным и всё более возрастающим интересом к изучению и сохранению церковной старины. Об этом свидетельствует число публикаций, посвященных церковным древностям, возникновение частных собраний древнерусского искусства не только в столичных центрах, но

и в провинции, в Казани в том числе, экспонирование церковной старины на публичных выставках. Так, на Казанской научно-промышленной выставке 1890 года было представлено рукописное Евангелие XIII века из собрания Д. И. Образцова, подробно исследованное профессором Казанской духовной академии

А. А. Царевским, рукописи, синодики, грамоты, принадлежащие Свяяжскому Успенскому монастырю, Евангелие 1478 года кафедрального Благовещенского собора, иконы и книги из собраний Н. В. Сорокина, Н. А. Семякина, Н. М. Пухова, А. А. Тарасовой¹. Не только изучение и сохранение памятников, но и возрождение традиций церковного искусства приобретало актуальность в светских кругах общества. Так, Центральный совет по мелкой промышленности и профессиональному образованию Казанского губернского земства в одном из своих заседаний 12 декабря 1913 года заслушал доклад Н. А. Демерта «О развитии промысла церковной утвари в с. Рыбная слобода» и ассигновании для начала дела 500–600 рублей². С начала XX века в селе Гоньба Малмыжского уезда Вятской губернии в течение почти 20 лет действовала золотошвейная школа, основанная на личные средства Б. Л. Граве, одной из представительниц казанского дворянского рода. Школа ставила целью возрождение традиций древнерусского золотошвейного дела. При школе имелись не только библиотека, но и музей образцов. Семь золотошвейных икон, исполненных по древним

подлинникам, были представлены в Малмыжском краеведческом музее³.

С 1869 года уставом духовных академий археология вводилась в учебную программу в качестве обязательного предмета. Одновременно наблюдался и невиданный ранее процесс создания всевозможных ученых обществ, главным образом в университетских и губернских городах, богатых памятниками старины. При этом, как отмечают историки, общества с археологическим уклоном заметно преобладали над историческими, филологическими и иными специализированными объединениями.

Казань не составляла в этом смысле исключения: секция церковной археологии была создана в составе Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, с 1898 года ее возглавил Д. В. Айдалов.

Епархиальные церковно-археологические общества заняли особое место. К концу первого десятилетия XX века в России их насчитывалось около пятидесяти. Основной целью их деятельности было «обследование, охранение и собирание памятников

местной церковной старины, распространение в обществе и преимущественно среди духовенства сведений по церковной археологии и истории».

Церковное историко-археологическое общество Казанской епархии, открытое 15 октября 1906 года, несмотря на сравнительно короткий период своей деятельности (работало до 1918 года), сыграло в этом процессе заметную роль. Источником сведений о нём являются ежегодные отчёты (издавались с 1908 года) и протоколы его собраний, хранящиеся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского университета, хотя они и не дают полной картины деятельности общества в хронологической последовательности⁴. Собрания общества проходили в архиерейском доме в Кремле, в покоях архиепископа. Здесь же, в специально отведённых для них бывших певческих помещениях, располагались хранилище древностей и библиотека.

Основателем и почетным председателем общества был архиепископ Казанский и Свияжский Димитрий (Дмитрий Иванович

Самбикин, 1838—1908), доктор церковной истории, почётный член Московской духовной академии. Он был достойным кандидатом в митрополиты, и лишь преждевременная смерть помешала этому. Современники отмечали его несомненный дар слова и широкую эрудицию. Он был видным церковным деятелем и даровитым писателем, автором большого количества статей, монографий, очерков, многотомных исследований. В них он опирался на источники из консисторских и семинарских архивов, снискав себе авторитет знатока церковной археологии. Архиепископ основал церковное хранилище древностей и епархиальную библиотеку в Подольске, выявил и реставрировал многое из церковной старины в Твери. Его назначение на архиепископскую кафедру в Казань состоялось в 1905 году. Три года, проведённые им в Казани, были продуктивны в плане общественной и научной деятельности.

Здесь были опубликованы его «Обозрение Казанской епархии Высокопреосвященнейшим Димитрием» (Казань, 1905), «Речь, произнесенная в годичном собрании Церковного историко-археологического общества Казанской епархии 14 сентября

1907 года»⁵. За два месяца до кончины 16 января 1908 года он выступил в собрании Общества с докладом «Об имеющимся исполниться в 1908 году 800-летию основания Киевского Златоверхо-Михайловского монастыря, об иконописном изображении Великомученицы Варвары и о службе ей». В «Известиях по Казанской епархии», начиная с 1905 года в отделе «Епархиальная хроника», архиепископ Димитрий помещал множество мелких, но ценных заметок по истории Казанских церквей и монастырей⁶.

После смерти архиепископа Димитрия председателем общества стал викарий Казанской епархии, епископ Чистопольский и ректор Казанской духовной академии Алексий (Анемподист Яковлевич Дородницын, 1859—19194). Особенно результативной была деятельность Общества при архиепископе Казанском и Свияжском (с 1908 года) Никаноре (Никифоре Тимофеевиче Каменском, 1847—1910), ректоре Казанской духовной академии, докторе богословия. Он пользовался большим авторитетом не только как богослов, проповедник, публицист, но и как историк, археограф, этнограф. «Редкая

даровитая натура, оставившая после себя глубокий след, обладавшая даром прокладывать новые пути, пробуждать и оживлять застоявшуюся жизнь, полная кипучей энергии и глубокого жизненного такта», «ревнитель и покровитель церковно-исторического и археологического направления в богословской науке и церковно-общественной деятельности» — так характеризовали его современники. Изучение древностей составляло неотъемлемую часть его трудов. Ещё до назначения в Казанскую епархию, архиепископ Никанор основал церковно-археологические комитеты в Смоленске, Гродно, церковно-исторические музеи в Орле и Варшаве, составил описание приходов и церквей Архангельской епархии. Среди его трудов, опубликованных в Казани, необходимо отметить «Описание празднования в Казанской епархии тысячелетия со дня блаженной кончины просветителя славян Мефодия, архиепископа Моравии и Паннонии» (1885), «Казанский Кизический монастырь. Исторический очерк его двухсотлетнего существования» (1891), «Кладбище Кизического монастыря. Его история и описание» (1892), «Собрание сочинений»

(1909). Множество его «Речей...» и «Слов...», произнесенных по самым разнообразным поводам в церквях и монастырях Казани, Свяжска, Козьмодемьянска опубликовано на страницах «Известий по Казанской епархии». Данью уважения к его заслугам в деле изучения казанской истории было издание обществом «Казанского сборника статей архиепископа Никанора (Каменского)» (Казань, 1909).

В разные годы в историко-археологическом обществе состояло более 130 действительных и несколько почётных членов. Среди последних были начальник русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид, директор Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенский, директор Санкт-Петербургского археологического института Н. В. Покровский. Бессменным библиотекарем и заведующим древлехранилищем общества был А. П. Яблоков. В совет общества входили А. И. Александров, И. М. Покровский, К. В. Харлампович, Н. Ф. Высоцкий, Д. И. Образцов, М. М. Хомяков, протоиерей А. В. Смирнов, П. В. Знаменский, священник Г. К. Богословский — личности во многих отношениях замечательные. Заслуги каждого из них в истории

богословской науки, равно как в общественной и культурной жизни, в пробуждении интереса к древностям в Казанском крае и за его пределами чрезвычайно велики. Они обеспечивали деятельности общества высокий профессиональный уровень, привлекали к участию в них профессоров университета и духовной академии и рядового духовенства, работа в обществе дополняла их собственные творческие и научные биографии.

К числу выдающихся представителей российской церковно-исторической науки второй половины XIX—начала XX веков принадлежит Петр Васильевич Знаменский (1836—1917), доктор церковной истории, профессор Казанской духовной академии, почётный член всех четырех российских духовных академий, член-корреспондент Петербургской Академии наук, действительный член Общества истории и древностей российских, Общества Нестора-летописца. Его главный труд «Руководство к русской церковной истории» (Казань, 1870), удостоенный премии митрополита Макария, был высоко оценен современниками и выдержал восемь изданий, при чем последнее относится к 2006 году И. Соловьев во вступительном слове к девятому

изданию отмечает: «Весьма показательно, что о Знаменском и его «Руководстве...» не забыли даже в советское время, в трудные годы торжества безбожия и абсолютного господства марксистских схем. Об этом свидетельствует, например, статья профессора С. С. Дмитриева в Советской исторической энциклопедии». «В его историческом таланте, — писал К. В. Харлампович, — были соединены дар критического анализа и способность обобщить изучаемые явления... Это был подлинный историк-художник. Знаменский явился также историографом Казанской Духовной академии и семинарии в первое время ее существования»⁷. С 1875 года он был председателем Комиссии по составлению «Описания рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии», которое выходило под его редакцией. Будучи членом комитета духовной цензуры, Знаменский визировал публикации Церковного историко-археологического общества. Участие в работе общества такого специалиста церковной истории, каким был Знаменский, трудно переоценить.

Большой вклад в изучение истории Казанской епархии

внес ученик Знаменского Иван Михайлович Покровский (1865—1941), профессор Казанской духовной академии, член Собора и предсоборного совета Церкви русской 1917—1918 годов. В советское время Покровский внес свой вклад в становление архивного дела в республике как член и председатель комиссии по охране архивных фондов и музейных памятников. Его эрудиция в области церковно-археологических, исторических и экономических исследований получила высокую оценку современников, он был удостоен Большой Уваровской премии Российской Академии наук, премии имени Г. Ф. Карпова Общества истории и древностей российских при Московском университете, золотых и серебряных медалей. Труды Покровского по истории казанских монастырей (до середины XVIII века), Казанского архиерейского дома сохраняют научное значение по сей день⁸. Под редакцией Покровского выходили в 1904—1916 годах «Историко-статистические описания церквей и приходов Казанской епархии», издаваемые церковно-археологическим обществом. Не менее авторитетной фигурой в составе совета общества был и протоиерей Александр

Васильевич Смирнов (1857—1933), профессор богословия Казанского университета, один из основателей русского ветхозаветного апокрифоведения, настоятель университетской Крестовоздвиженской церкви, инициатор издания журнала «Церковно-общественная жизнь», депутат IV Государственной думы, товарищ прокурора Синода во Временном правительстве. В рамках заявленной темы, необходимо напомнить о том, что именно Смирнову мы обязаны наиболее полным, детальным описанием некогда существовавшего, а ныне полностью утраченного, уникального архитектурно-художественного ансамбля университетской церкви («Крестовоздвиженская церковь при Казанском университете» (Казань, 1904).

Изучение церковных древностей Казанского края и формирование коллекции древлехранилища, как одной из мер по сохранению памятников церковной старины, составляли ведущие направления в деятельности общества, были взаимосвязаны, дополняя и взаимно обуславливая друг друга. Одной из самых замечательных и полезных работ, осуществленных

обществом в этой области, были публикации историко-статистических описаний церквей Казанской епархии, о чем говорилось выше. Они зафиксировали исторические памятники, подавляющее число которых впоследствии было утрачено: легенды и предания с ними связанные, их происхождение, имена вкладчиков и жертвователей, художественно-стилистические и иконографические особенности предметов. И хотя далеко не все материалы были опубликованы, но и сами темы сообщений, сохранившиеся в отчетах и протоколах общества, представляют несомненный интерес, очерчивая круг исследовательских интересов в области церковной археологии того времени. При этом необходимо уточнить, что описание церковных древностей носило программный характер и опиралось на ряд разработанных документов. Ещё в 1899 году в «Известиях по Казанской епархии» была опубликована «Программа историко-статистического описания церквей и приходов, соборов и монастырей Казанской епархии». Тем же целям служил и доклад Н. П. Покровского, сделанный на заседании общества 21 марта 1906 года «О мерах к сохранению па-

имелись сведения о Казанских семинаристах и духовенстве за XVIII столетие; выступал с сообщениями о памятниках письменности, касающихся казанской церковной истории, в том числе и казанского происхождения, о рукописях, вывезенных из Казани и Казанской епархии, о казанцах на церковной службе вне Казани, о малороссах на службе в Казани. Специальный доклад посвятил Харлампович описанию достопримечательностей Грузинской и Духосожественской церквей Казани¹³.

Его «Историко-археологические очерки церквей г. Казани. Выпуск 1» (опубликованные обществом в 1913 году), донесли до нас детальное описание древностей, особо чтимых святынь и достопримечательностей Николо-Низской, Николо-Вешняковской, Николо-Ляпуновской, Варваринской, Георгиевской, Михаило-Архангельской, Вознесенской, Троицкой, Грузинской, Духосожественской церквей. Более половины из них ныне не существуют, а сохранившиеся и возвращенные епархии утратили свои древности, что придает очеркам Харламповича особую значимость. В заседании 20 марта 1914 года Харлампович прочел

реферат о книге П. М. Дульского «Памятники казанской старины». Отзыв Харламповича на книгу в том же году был опубликован в «Православном собеседнике». Однако П. М. Дульский не счел нужным упомянуть его, когда в письме к своему близкому другу Г. К. Лукомскому писал: «На мою книгу было до 16 отзывов, лучшим считаю твой, профессора А. М. Миронова, большой в «Речи» и в «Баяне»¹⁴. Между Харламповичем и Дульским возникли разногласия по поводу судьбы древностей церкви села Савиново: Дульский считал необходимым передать их в музей Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, тогда как по мнению Харламповича, Церковное историко-археологическое общество Казанской епархии имело на них больше прав. Мнение Харламповича было поддержано, и 14 сентября 1914 года общество признало необходимым взять из церкви села Савиново алтарную преграду, царские врата, напрестольный крест, дарохранильницу, оловянное блюдо, воздух. Осуществилось ли это намерение — неизвестно. Но, так или иначе, начало дальнейшему сотрудничеству Дульского с обществом было положено. В 1917

году они оба — К. В. Харлампович и П. М. Дульский, наряду с А. П. Яблоковым и Б. П. Денике вошли в состав комиссии для издания «Чтений в Казанском церковно-археологическом обществе»¹⁵. Знающий древности Казани как никто другой и движимый стремлением внести свою лепту в их сохранение, Харлампович в том же году вошел в состав Казанского губернского подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Татнаркомпросе¹⁶. Но его деятельность на этом поприще не нашла отражения в архивах. Лишь в «Известиях Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани» Харлампович опубликовал очерк «Историк — художник» в память П. В. Знаменского¹⁷. Не случайным было участие в составе комиссии для издания «Чтений...» Бориса Петровича Денике (1885—1941). Приват-доцент кафедры теории и истории искусств и ассистент Музея искусств и древностей Казанского университета, один из ведущих востоковедов и известный музейный деятель первой половины XX века, Денике начинал свой путь в искусствоведении с изучения древнерусского искусства. Еще в студенческие годы в Казанском

университете, а именно, летом 1910 года, Денике собирал материал для курсовой работы «О западном влиянии на русскую фреску и иконопись», совершив поездки во Владимир, Боголюбов, Нижний Новгород, Москву и Петербург, обобщив свои впечатления в статье «Страница из моих летних экскурсий», опубликованной на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей». В январе 1913 года Денике совместно с историком Д. В. Айналовым побывал в Великом Новгороде на открытии епархиального музея. По итогам изучения старообрядческой иконописи опубликовал статью «Древнерусская иконопись в старообрядческих храмах Москвы (Камско-Волжская речь, 1915, 8 июля)». В 1916 году Денике планомерно изучал архитектурно-художественные ансамбли Кирилло-Белозерского, Ферапонтова, Горицкого монастырей, памятники Череповца, Рыбинска, Борисоглебска. В заседании Общества археологии истории и этнографии при Казанском университете выступил с докладом «О фресках чебоксарских церквей». Не прошел Денике и мимо церковной старины Казани, принял участие в издании «Св. храм во имя св. Мученицы царицы Александры

при Казанском Родионовском институте благородных девиц в Казани. 1841—1916» (Казань, 1916), охарактеризовав художественную ценность его иконостаса работы Л. Д. Крюкова, В. С. Турина, Мелентьева. Его статьи «Древнерусское шитье в ризнице Зилантова монастыря» (1917, отдельное издание), «Миниатюры рукописей Соловецкой библиотеки» (Казанский библиофил, 1921, №2) ввели в научный обиход первоклассные памятники древнерусской художественной культуры. Не менее значимой была деятельность общества по формированию коллекций древлехранилища. Источником его пополнения были исключительно пожертвования и дары — от приходов различных церквей, от частных лиц, а также обмен с другими учреждениями и обществами.

В протоколах собраний зафиксированы постановления с просьбой о передаче в общество тех или иных древностей из обследованных церквей. Так, на заседании 24 февраля 1909 года было принято решение просить о передаче в общество из Николо-Низской церкви рукописных догматиков, из Николо-Вишняковской —

каменного креста десяти вершков длины, из Николо-Ляпуновской — Пролога 1659 года, а также образов Благовещения и св. великомученика Георгия Победоносца, вырезанных на слоновой кости. На собрании 19 января 1910 года, по докладу К. В. Харламповича, обследовавшего Грузинскую церковь в Казани, было постановлено просить передать в общество икону «Благовещение» в шелковом окладе 1755 года, мозаичную икону «Моление о чаше», а также книги — «Служба св. пророка Закарии» и «Служба священномученику Фоке» 1765 года. В протоколе собрания 22 сентября 1909 года говорится о решении взять в общество как церковные древности из церкви села Буртасы деревянную купель, а из церкви села Черемышева — Евангелие XVI века.

При этом в протоколах общества отмечалось, чтобы не все древние и ценные предметы культа из церквей передавались в общество, дабы не возмутить против него прихожан. Постоянными были поступления и от священников. Пример показывал сам архиепископ Никанор, передававший обществу кресты, сосуды и другие предметы. В отчете общества за 1909/10 годы говорится о пожертвовании им 130 рублей со специальным назначением на ремонт

и приведение в порядок помещения древлехранилища общества, «что и было сделано на сумму 210 рублей 77 копеек», как значится в отчете. Н. А. Архангельский, священник церкви села Большая Тотьма, подарил обществу медные складни, крестики, иконку «Глава Иоанна Крестителя» (из протокола собрания 21 марта 1906 года). М. Иванов, священник села Красновидово, предоставил для древлехранилища общества венцы, дарохранительницу и другую церковную утварь (протокол собрания 13 марта 1907 года). Спустя два года он же передал обществу икону «Никола Можайский с мечом и градом» и изображением чудес Святителя на полях.

Примечателен дар священника Павловского второго округа Козьмодемьянского уезда — серебряный ковш из церкви села Елас, «будто бы подаренный Иваном Грозным черемису Аккорсу за провод войск через дремучий лес около Волги и за другие военные содействия», как говорилось в протоколе собрания от 22 сентября 1909 года. Священник А. Сельский из Георгиевской церкви Казани представил в общество рукопись конца XVIII века, содержащую две службы Святителю Гурию и одну — святителю Гермогену; книгу

указов (печатных и рукописных) 1800—1864 годов, серебряный, вызолоченный внутри ковшик начала XVIII века (протокол 28 сентября 1910 года).

В древлехранилище поступали не только предметы культа и богослужебные книги. Так, в отчете общества за период 1909/10 годов говорится о поступлении тринадцати картин церковного характера и портретов церковных деятелей (источник поступления в данном случае остался неизвестен). Между тем, в протоколах Казанского губернского подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины в Национальном архиве РТ сохранилась опись предметов, находящихся в парадных покоях Казанского Богородицкого монастыря в 1924 году, в том числе двенадцать портретов из Митрополичьего дома: патриарха Гермогена, Адриана, Луки Конашевича, митрополитов Тихона, Амвросия I, Серапиона, архиепископов Владимира, Григория, Филарета, Павла I, Амвросия II, Афанасия¹⁸. Три портрета — митрополита Филарета, архиепископа Амвросия I, патриарха Иосафа ныне хранятся в собрании Государственного музея

изобразительных искусств РТ, куда поступили в свое время из собрания Государственного (ныне Национального) музея, в которое были переданы в 1924 году от Музейного фонда Татнаркомпроса¹⁹.

Деятельность общества по формированию коллекций древлехранилища находила поддержку и отклик не только в среде духовенства (в тех же протоколах не отмечается ни одного случая отклонения просьб общества), но и среди профессоров университета и духовной академии. Постоянным жертвователем был Д. И. Образцов. Так, в 1909 году он передал обществу древний крест и ковш (протокол 22 сентября), в 1912 году — два больших медных складня, один маленький медный складень, доски от складня с изображением святителей Гурия и Варсонофия (протокол от 19 декабря). В 1914 году он пожертвовал «путевой образок», аналог описанных подобных же образков в трудах Н. В. Покровского. К слову, в 1915 году Д. И. Образцов пожертвовал также богатые священные сосуды и замечательного письма картину «Распятие Христа» в обновленную домовую церковь во имя Иоанна Богослова духовной семинарии. Значительную и ценную коллекцию

металлических образков и крестиков — 55 экземпляров, а также оловянный потир и дискос пожертвовал обществу Н. Ф. Высоцкий (отчет общества за 1909/10 годы). Пожертвования поступали и от лиц, круг научных интересов которых был далек от православной истории и искусства. В частности, Н. Ф. Катанов передал в дар обществу альбом «Казанско-татарские литографированные издания с именами лиц Ветхого и Нового Завета» — 23 картины (протокол собрания от 19 января 1910 года). Среди дарителей обществу были и иконописцы. Братья М. Н. и Н. Н. Софоновы, сыновья известного иконописца Н. Л. Софонова, обновлявшие росписи кафедрального Благовещенского собора в Казанском кремле, передали обществу 2 картины — копии с фресок, обнаруженных на плафоне в средней части храма во время его капитального ремонта (протокол от 19 декабря 1912 года).

Большую заинтересованность в судьбе коллекций общества проявлял заведующий древлехранилищем протоиерей Андрей Поликарпович Яблоков (1854 —?), выпускник Казанской духовной академии, настоятель и

ключарь Благовещенского собора. Ему принадлежит наиболее полное на начало XX века исследование «Кафедральный Благовещенский собор в городе Казани» (Казань, 1909). Не только религиозный деятель и просветитель (был руководителем частного миссионерского приюта), но и историк-краевед, он специально занимался древностями Свяжска и в 1907 году опубликовал две крупные работы: «Город Свяжск Казанской губернии и его святыни. Историко-археологический очерк» и «Первоклассный мужской Богородице-Успенский монастырь в г. Свяжске Казанской губернии», уделив большое внимание описанию их древностей и святынь. Кроме того, ему же принадлежит и обширное предисловие к изданному обществом «Списку с писцовою и межевою книги г. Свяжска и уезда» (Казань, 1910), касающееся истории происхождения и местонахождения «Списков...» в московских и казанских собраниях, а также краткого обзора их содержания.

Исполняя обязанности библиотекаря и заведующего древлехранилищем, Яблоков выступал с докладами о трудах комиссии по организации древлехранилища, делал сообщения

об археологической ценности поступавших предметов, о коллекции мелкой пластики Н. Ф. Высоцкого, переданной обществу, а также об археологической ценности предметов, пожертвованных из Архиерейского дома. Сам пожертвовал древлехранилищу две резные деревянные иконы и мелкую пластику — образки и кресты (протокол 9 ноября 1912 года). В 1916 году А. П. Яблоков организовал выставку предметов из ризницы кафедрального Благовещенского собора в одном из его приделов и ознакомил с ней членов Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и Церковно-археологического общества. Возможно, косвенной побудительной причиной ее организации могла послужить проходившая в Казани в том же 1916 году выставка из частных коллекций «Художественные сокровища Казани». Дальнейшая история предметов Благовещенской ризницы, как и ее полный состав, до конца не ясны. В октябре 1919 года ризница собора была вскрыта представителями ЧК, произведена опись предметов и все наиболее интересные вещи сфотографированы²⁰. Яблоков при этом не присутствовал, т. к. покинув

Казань в сентябре 1918 года вслед за отступившей Белой армией, он возвратился только зимой того же года. В 1924 году он принял участие в передаче в Центральный музей ТАССР ценностей собора, оставшихся после частичного изъятия предметов специальной научно-художественной комиссией Помгола (правительственная Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК) в 1922 году. Всего в музей было передано 85 предметов, в том числе: Ефремово Евангелие, Тверское Евангелие 1478 года, плащаницы XVI века (ныне в собрании Национального музея РТ)²¹. Точных сведений о количестве предметов в древлехранилище ко времени последних лет существования общества нет, но составить некоторое представление о динамике роста коллекции можно. Так, по отчету за 1907/08 годы, то есть в первые годы существования общества, его коллекцию составляли всего 53 предмета, к 1910 году было уже 150 единиц. За следующие несколько лет количество предметов безусловно, значительно возросло. Все эти сведения позволяют составить определенное представление о разнообразии состава коллекции древлехранилища, включавшей

предметы из самых разнообразных материалов (серебро, олово, медь, кость, камень, дерево), алтарные преграды и царские врата, иконы, копии фресок, картины религиозного содержания и портреты церковных иерархов.

Деятельность общества существенно расширяет наши представления об роли рядового духовенства в сохранении церковных древностей, конкретизирует работу казанских ученых и коллекционеров. Наиболее активные из числа последних — Д. И. Образцов, Д. В. Есипов, Н. Ф. Высоцкий, становились почетными членами церковно-археологического общества.

Библиотека с момента учреждения общества также формировалась за счет пожертвований и даров, о чем уже упоминалось выше. Так, Д. В. Айналов пожертвовал обществу свое издание «Фресковая роспись храма Успения Богородицы в Свяжском мужском монастыре, Н. П. Лихачев передал в библиотеку свою книгу «Манера письма Андрея Рублева». Грамоты и документы жертвовал обществу Д. В. Есипов. Помимо богослужебных книг, в том числе рукописных и старопечатных, существенную часть составляли

издания, поступившие по обмену из различных учреждений: Киевской духовной академии и Киево-Печерской лавры, Ростовского музея древностей, Императорского Московского археологического общества, церковно-археологических обществ и ученых архивных комиссий Нижнего Новгорода, Владимира, Оренбурга, Саратова, Чернигова. В 1907 году Комитет попечительства о русской иконописи графа С. Д. Шереметева прислал первый выпуск «Иконописного сборника», издаваемого комитетом, сопроводив его просьбой в содействии по распространению сведений, как о самом комитете, так и его изданиях (протокол 3 мая 1907 года) В 1910 году шесть своих изданий передал обществу Казанский городской музей.

По сведениям отчета общества за 1909/10 годы в библиотеке уже числилось 335 книг и брошюр, а также 40 рукописей. Приведенные данные позволяют говорить о довольно результативной деятельности общества по изучению церковной археологии. Для сравнения отметим, что попытки распространения на провинцию деятельности «Общества защиты и сохранения в России памятников

искусства и старины», созданного в 1909 году в Петербурге, в Казани успеха не имели, хотя и было создано отделение общества под председательством А. Н. Боратынского.

Судьба коллекций древлехранилища и библиотеки общества после 1917 года до сих пор остается неизвестной. В начале 1920-х годов лишь отдельные разрозненные предметы из закрытых учреждений и учебных заведений поступили в городской музей. Только в конце 1990-х годов начал проявляться интерес к сохранению церковной старины и изучению истории церковно-археологических обществ. Их былая деятельность не только не забыта, о чем свидетельствуют публикации, но и наблюдается процесс их возрождения в России. Так, в 1996 году была возобновлена деятельность Екатеринбургского церковно-археологического общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 года. Казань, 1890. С. 161.
2. НА РТ. Ф. 81, оп. 14, д. 54.
3. Худяков М. Музеи Малмыжского края // Казанский музейный вестник. 1921. N1. С. 127.
4. Открытие Церковно-археологического общества Казанской епархии. 05.10.1906. Казань, 1907; Устав Казанского Церковно-археологического общества. Казань, 1906; Отчеты Казанского церковно-археологического общества. Казань, 1908–1917. Т. 1–6; Протоколы Церковно-археологического общества за первый год его существования. Казань, 1907.
5. Православный собеседник. 1907. Ноябрь. С. 581–585.
6. Царевский А. Святитель-молитвенник, архиепископ Димитрий (Самбикин) в главнейших фактах его жизни и по личным о нем воспоминаниям. Казань, 1908; Высокопреосвященный Димитрий (Самбикин) архиепископ Казанский и Свияжский (1839–1908). Некролог и надгробные речи. Казань, 1908.
7. Знаменский П. В. История Казанской Духовной Академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Казань, 1891–1892; Знаменский П. В. Казанская семинария в первое время ее существования. Казань, 1868.
8. Покровский И. М. К истории казанских монастырей до 1764 года. Казань, 1902; Покровский И. М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование. Казань, 1906.
9. Прибавление к «Церковным ведомостям». 1906. N 10.
10. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXV. Вып. 5.
11. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XV. Вып. 4.
12. Отчет историко-археологического общества Казанской епархии за 1907/8–11 гг. существования общества. Казань, 1908. С. 7.
13. Отчет Церковного историко-археологического общества Казанской епархии за 1909/10 гг. Казань, 1910.
14. Отдел рукописей ГРМ. Ф. 109, ед. хр. 68, с. 114.
15. Состав комиссии опубликовала газета «Казанское слово». 1918, 17 января.
16. НА РТ. Ф. 271, оп. 1, д. 163, л. 467.
17. Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани. 1920. Т. 1. С. 58–105.
18. НА РТ. Ф. 271, оп. 1, д. 710, л. 98.
19. Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. Русское искусство XVII – начала XX веков. Живопись: каталог. Казань, 2005. С. 215, 219, 719.
20. НА РТ. Ф. 271, оп. 1, д. 48, л. 167.
21. НА РТ. Ф. 2021, д. 45, л. 43; Ф. 271, оп. 1, д. 710, л. 84.

Е. И. Карташова

**Музей истории Раифского
Богородицкого
Монастыря**

По информационным
материалам экспозиции

стр. 152–171

Е. П. Ключевская

**Ковчег для главной
монастырской святыни**

стр. 172–181

4

раиф

**Елена
Ивановна
Карташева,**

зам. директора по научно-
исследовательской работе
Музея-заповедника
«Остров-град Свияжск»,
искусствовед

Музей истории Раифского Богородицкого монастыря по информационным материалам экспозиции

Музей истории Раифского монастыря открылся в 2019 году, расположен в юго-восточной башне монастырской стены. В основу музея легли исторические материалы из разных источников, а также предметы и книги, собранные в Раифском монастыре с момента его возрождения в 1990-е гг. Некоторые предметы были возвращены из Национального музея РТ. В настоящее время ряд подлинных источников по Раифскому монастырю хранится в государственных хранилищах Татарстана – Государственном архиве РТ, Национальном музее РТ. В экспозиции музея представлены копии документов и фрагментов монастырского Синодика конца XVII – XVIII веков из фондов Национального музея РТ.

Икона
Божией Матери
«Грузинская»

Толкование святителя Андрея
Кесарийского Апокалипсиса
(Откровения)
святого апостола
Иоанна Богослова.

Издание рукописи
первой половины XVII века.
Москва.
Начало XX века

ЗАЛ ПЕРВЫЙ

Зал посвящен первому периоду истории Раифской пустыни, ее зарождению и основанию, первым подвижникам, становлению обители. Экспозиция этого зала охватывает столетие, период с начала XVII-го по начало XVIII века.

Этапы истории, яркие события (среди которых наиболее значимое – принесение в Раифскую пустынь чудотворного списка Грузинской иконы Пресвятой Богородицы) представлены на стендах по периметру зала, информационные исторические сведения даны в сопровождении иллюстративных материалов. Временная лента (хроника) позволяет соотнести раифские события с веками истории России.

В витринах и скрытых экспозиционных комплексах можно видеть подлинные артефакты, а также копии редких исторических документов, страниц из Синодика Раифского монастыря. Оригиналы с 1920-х гг. хранятся в Национальном музее Республики Татарстан.

Видеофильм с анимированными сценами первых страниц истории Раифской пустыни дает сжатое, художественно-эмоциональное представление о начале истории монастыря, его связи с древней Раифой на Синае.

На полу изображена топографическая карта-схема территории, на которой был основан и ныне находится Раифский Богородицкий монастырь.

ЭКСПОНАТЫ В ВИТРИНАХ

Материалы в витринах по периметру зала:

ВИТРИНА 1

Грузинская икона Божией Матери *

Книга. Толкование святителя Андрея Кесарийского Апокалипсиса (Откровения) святого апостола Иоанна Богослова. Издание рукописи первой половины XVII в. Москва. Начало XX в. *

ВЫКАТНЫЕ ЯЩИКИ 1-2, К ВИТРИНЕ 1

Миниатюры-иллюстрации из книги «Толкование святителя Андрея Кесарийского Апокалипсиса (Откровения) святого апостола Иоанна Богослова». Издание рукописи первой половины XVII в. Москва. Начало XX в. *

*Толкование святителя Андрея
Кесарийского Апокалипсиса
(Откровения)
святого апостола
Иоанна Богослова.*

*Издание рукописи
первой половины XVII века.
Москва.
Начало XX века*

ВИТРИНА 2

Панагия створчатая – нагрудная архиерейская икона
XV – XVII вв. (?). Металл, ковка, гравировка *

*С изображениями Св. Троицы, Богоматери «Знамение» (Воплощение),
Симеона Богоприимца с Младенцем Христом, святителей, апостолов.*

Ложка митрополита Казанского и Свияжского Лаврентия
1670 г. Металл, ковка, гравировка

ВИТРИНА 3

Типикон (Устав церковный). Москва. Печатный двор. Конец XVII века. *

Пролог, или Синаксарь (Синаксарий). Москва. Печатный двор. Конец
XVII века. *

Дар Раифской пустыни (вклад) митрополита Казанского и Свияжского
Тихона, содержит вкладную надпись.

*Книга для душеполезного чтения, свод житий святых, поучительных слов
и рассказов о духовно-нравственных подвигах монахов*

ВИТРИНА 4

Потир – священный литургический сосуд, чаша для таинства
Причащения, символ чаши Тайной Вечери *

XV–XVIII вв. Металл, ковка, гравировка

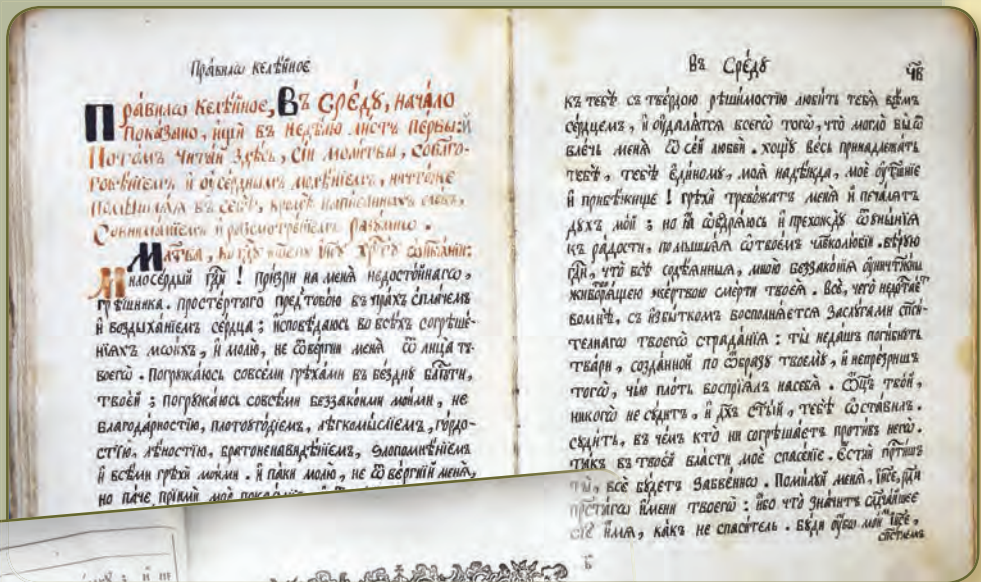
ВИТРИНА 5

Дарохранительница – священный сосуд для хранения
преждеосвященных Святых Даров. XVIII в. Металл, чеканка *

ВЫКАТНОЙ ЯЩИК К ВИТРИНЕ 5

Запись о поминовении митрополита Казанского и Свияжского
Лаврентия и его рода. / Синодик Раифского Богородицкого монастыря.
Конец XVII – XVIII вв. Национальный музей Республики Татарстан

Запись о поминовении патриарха Московского и всея Руси Адриана и его
рода. / Синодик Раифского Богородицкого монастыря. Национальный музей
Республики Татарстан

Выкатной ящик 2 к центральной витрине
 Запись о поминовении братии – монахов Раифской пустыни. / Синодик Раифского Богородицкого монастыря. Конец XVII – XVIII вв. Национальный музей Республики Татарстан

Запись о поминовении игуменов монастыря. / Синодик Раифской Богородицкой пустыни. Конец XVII - начало XVIII вв. Национальный музей Республики Татарстан

ЗЯЯ ВТОРОЙ

Экспозиция зала охватывает два века истории Раифской пустыни - с начала XVIII-го по начало XX века. Это время вместило несколько этапов развития монастыря, в том числе его расцвет середины-второй половины XIX – начала XX вв.

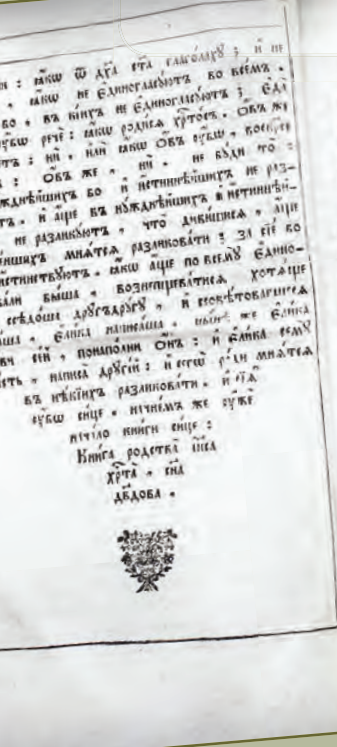
В витринах находятся богослужбные книги и книги для духовно-нравственного чтения, из книжного собрания Раифской пустыни, подлинные исторические предметы, как непосредственно связанные с монастырем, чудом сохранившиеся в годы испытаний двадцатого столетия, так и «типологические» вещи, связанные с церковно-монастырской православной жизнью, ее историей и культурой.

Как и зале 1, поэтапное историческое повествование представлено на информационно-иллюстративных стендах по периметру зала. Временная лента (хроника) позволяет соотнести раифские события с веками истории России.

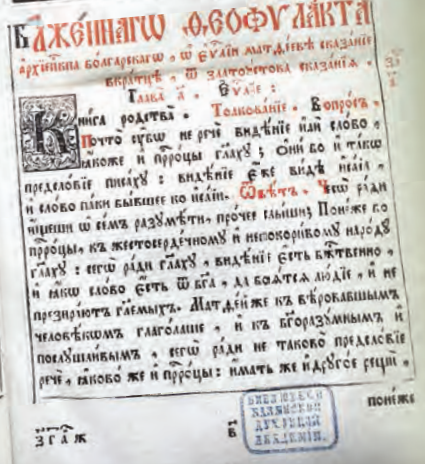
В этом зале находится инфомат (электронный терминал) на тему «Владения и территориальное влияние Раифского монастыря», содержащий обширные материалы о земельных владениях обители XVII – XVIII вв., о его часовнях и подворьях в XVIII – начале XX вв., крестных ходах с Грузинской иконой Божией Матери, о селах и деревнях, находившихся в ареале влияния Раифского монастыря.

ЭКСПОНАТЫ В ВИТРИНАХ ВИТРИНА 1

Беседы на Евангелие от Матфея святого Иоанна Златоуста. Москва. 1781. Бумага, печать типографская; кожа. На форзаце надпись: «Сия книга Раифской Богородицкой пустыни» *

Книга молитвенного келейного правила монаха Раифской пустыни Арсения. 1837. Бумага, рукопись; кожа

Толкование на Святое Евангелие Блаженного Феофилакта Болгарского. Москва. 1819. Бумага, печать типографская; кожа

Раифский Богородицкий монастырь

Светильник церковный подвесной.
Конец XIX – начало XX вв.
Металл, ковка, литье

Подсвечник пасхальный. XIX в.
Металл, чеканка, литье

Толкование на Святое Евангелие Блаженного Феофилакта Болгарского.
Москва. 1819. Бумага, печать типографская; кожа *

Книга молитвенного келейного правила монаха Раифской пустыни
Арсения. 1837. Бумага, рукопись; кожа *

ВИТРИНА 2

Предметы облачения священника (иерея). XIX – начало XX вв. *:

- Фелонь. Парча, позумент
- Епитрахиль. Ткань, атлас, шитье, пуговицы металлические
- Подрясник. Ткань, шитье
- Митра. Парча, золотные нити

ВИТРИНА 3

Оплечье облачения священнослужителя. XIX в. *

Бархат, шитье золотными и серебряными нитями

Дополнительно:

Подсвечник пасхальный. XIX в. Металл, чеканка, литье *

С утратами

Светильник церковный подвесной (?). Конец XIX – начало XX вв. *

Металл, ковка, литье

С утратами

Икона-складень. Дванадцатые праздники. XIX в. *

Металл, литье, эмаль

ВИТРИНА 4

Служебник – сборник последований основных церковных служб. Киев.
Типография Киево-Печерской лавры. 1907 *

Служба и акафист Грузинской иконе Божией Матери
Санкт-Петербург. 1899 *

Акафист Святителю Гурию, Казанскому и Свяжскому Чудотворцу.
Россия. Конец XIX – начало XX вв. *

Хоругвь
церковная.
Конец XIX
– начало XX вв.
Х/б ткань, шелк,
шитье, вышивка

Фрагмент пояса священника.
XIX в. Бархат, шитье
золотными и шелковыми нитями

Оплечье облачения
священнослужителя. XIX в.
Бархат, шитье золотными и
серебряными нитями

Наставления новопостриженной инокине схимонаха Раифской пустыни
Леонида. Казань. 1882 *

Фрагмент пояса священника. XIX в. Бархат, шитье золотными и
шелковыми нитями *

ВИТРИНА 5

Покров церковный с изображением Тайной Вечери. XIX в.
Бархат, парча, шитье золотными и серебряными нитями, живопись *

Киот для иконы с изображением Раифской Богородицкой пустыни.
Начало XIX в. Металл, чеканка *

ВИТРИНА 6

Хоругвь церковная. Конец XIX – начало XX вв. Х/б ткань, шелк, шитье,
вышивка *

Хоругви – символы священных знамен Церкви, находятся в храме и
выносятся на крестных ходах *

Ложка паломника-богомольца с надписью «Благословение». XIX в.
Дерево, ручная работа *

Странник. Духовный учено-литературный журнал. Том 1.
Санкт-Петербург. 1873 *

Грузинская икона Божией Матери. Конец XIX – начало XX вв. Дерево,
живопись; металл *

Лампада. Конец XIX – начало XX вв. Металл *

Аналой. Конец XX в. Дерево *

Покров на аналой. XIX в. Ткань, шитье *

ИНФОМАТ «ВЛАДЕНИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ
РАИФСКОГО МОНАСТЫРЯ»

Скуфья монаха-схимника.
Конец XIX века

Первый священнический
наперсный крест
архимандрита
Всеволода (Захарова)

Студенческий билет
архимандрита
Всеволода (Захарова)

ЭРА ТРЕТИЙ

Экспозиция зала посвящена двум периодам истории Раифского монастыря в XX веке, которые полярно отличаются друг от друга. Первый начинается катастрофическими событиями 1917–1918 гг., продолжается трагическими событиями советского времени – мученической кончиной монахов Раифского монастыря и мирян; закрытием, запустением, осквернением монастыря и постепенным разрушением его архитектурного ансамбля. Второй период, с начала 1990-х гг., стал временем восстановления, духовного, социального и архитектурного возрождения Раифского монастыря, времен нового расцвета.

Как и в залах 1–2, в зале 3 поэтапное историческое повествование представлено на информационно-иллюстративных стендах по периметру зала; продолжается историческая хроника. В экспозиции особо отмечена роль наместника обители, архимандрита Всеволода (Захарова).

ЭКСПОНАТЫ В ВИТРИНЕ

Скуфья (повседневный головной убор) монаха-схимника. Конец XIX в. Великая схема -- высшая степень монашества *

Швейная машина фирмы «VERITAS». Германская Демократическая Республика. 1970-е гг.

Подобные машины использовались в швейном производстве Раифского спецучилища. 1970-е – 1980-е гг.

Ложка. Конец XIX в. Серебро

Из личных вещей братии Раифского монастыря

Первый священнический наперсный крест архимандрита Всеволода *

Студенческий билет архимандрита Всеволода *

ИНФОМАТ С МАТЕРИАЛАМИ ОБ АРХИМАНДРИТЕ ВСЕВОЛОДЕ (ЗАХАРОВЕ)

* Экспонаты взяты из древлехранилища Раифской Пустыни

ЗАЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Этот зал подводит определенный итог истории Раифского монастыря, представленной в экспозиции музея; здесь изображены наиболее значимые лица/персоналии, связанные с этой историей и внесшие большой вклад в духовное существование и развитие обители. Среди этих лиц как насельники обители, начиная с ее основателя, так и казанские архиереи, известные особой любовью и благоволением к Раифской пустыни.

ЭКСПОЗИЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Изображения значимых лиц, связанных с историей Раифского монастыря и внесших большой вклад в его духовное существование и развитие.

КОВЧЕГ СВЯТЫНИ

**Екатерина
Петровна
Ключевская,**
кандидат
искусствоведения

ИЗ ЭКСПОЗИЦИИ
МУЗЕЙ ИСТОРИИ
РАИФСКОЙ ПУСТЫНИ

БЕССПОРНЫМ УКРАШЕНИЕМ скромной экспозиции недавно открытого музея истории Раифского Богородицкого монастыря является ковчег главной монастырской святыни – чудотворной иконы Божией Матери «Грузинская» для перенесения ее во время крестных ходов.

Изготовлен ковчег в размер чудотворной иконы Божией Матери «Грузинская» из серебра 84 пробы в Казани, что удостоверяют клейма пробирера Казанской пробирной палаты Михаила Усова — «М.У» 1830 г. и клеймо с изображением Зиланта (знака Казанской пробирной палаты). Клеймо с именем мастера-серебряника — «ИП» расшифровать не удалось. Кроме того, на ковчеге процарапана надпись «Весу 15 фун (фунтов) 28 золот (золотников)».

История монастыря первой половины XIX века не богата документальными источниками и современными тому времени свидетельствами. Этот же уникальный предмет существенно восполняет наши представления о жизни обители того времени, ее архитектурно-художественном облике, вызывает разнообразные ассоциации и порождает ряд вопросов.

Своеобразную литературную параллель содержания, смыслов и значений, заложенных в этом произведении казанских серебряников, составляют записки архимандрита Даниила (Сивилова) «Путешествие в Раифскую Пустынь в Казанской епархии»,

для которого вид Раифской Пустыни, изображенный на крышке ковчега мог бы служить иллюстрацией.

Примечательно совпадение дат создания обеих произведений — 1830 год.

Крышка ковчега выполнена в технике чеканки и изображает вид Раифской Пустыни в проекции с обозначением примет окружающего ее ландшафта. Монастырские постройки заключены в прямоугольник окружающих их стен с множеством башен и надвратных церквей на пряслах. Мастер-чеканщик акцентирует эту особенность архитектурного облика монастыря — почти крепостные по своему облику стены, разнообразие форм угловых многоярусных башен, обилие куполов и глав. Именно таким, как пишет архимандрит Даниил, Раифский монастырь «представился моим взорам как некий уединенный замок». Детальному описанию монастырской ограды с башнями, более похожих на крепостную стену, Даниил посвятил III главу своих записок: «К устройству Раифской монастырской ограды в таком виде не иное что служило поводом, как одни может быть предположительные

предосторожности против могущих произойти неприятностей со стороны соседних обитателей...», ведь монастырь возник на землях язычников-черемис.

За истекшие почти два столетия ограда с башнями и надвратными церквями претерпели существенные утраты и изменения, но и сохранили узнаваемые черты.

Являясь вольным воспроизведением основных, знаковых сооружений монастыря без претензий на их буквальную передачу, мастер-чеканщик включает в композицию лишь основное — узнаваемую по многоярусному силуэту церковь Святых Отцов в Синае и Раифе избиенных с венчающей ее двухъярусной колокольной под одной главой и старый, пока еще не перестроенный архитектором Михаилом Петровичем Коринфским собор Грузинской Божией Матери — главные храмы обители. На противоположной от Святых ворот стороне композицию замыкает двухэтажный корпус братских келий. Это здание, как и церковь Святых Отцов, стоят и поныне.

Слева, между восточной частью стены и церковью Святых

Отцов, изображены кроны раскидистых деревьев и характерные по силуэту ели — это место старинного монастырского погоста и сегодня занимаемого некрополем. Перечитайте строки записок отца Даниила, посвященные этому месту, проникнитесь их мудрой поэтичностью, а равно и красотой чеканных ветвей, образующих плотный полог над старинными намогильными плитами на крышке ковчега.

Красота местоположения монастыря на берегу озера, укрытого заповедными лесами, и сегодня никого не оставляет равнодушным. Скупыми, но выразительными средствами, вычеканены они на крышке ковчега. Изображение, ведущей к Святым вратам дороги, обрамлено по обеим сторонам разнообразно трактованными травами. Едва заметный ныне овражек с речушкой, пересекающие дорогу, некогда, как это видно по изображению на крышке, представляли собой ощутимое препятствие — широкий горбатый мостик, обрамленный перильцами, перекинут через овраг. Речка Сумка, «труженица уединенная и безмолвная», пирамидальные ели и кудрявые липы, обрамляющие ее, не оставлены без внимания

в описании отца Даниила (Сивилова). Столь же внимательно и скрупулезно прочеканены они в нижней части крышки ковчега.

Слева к южной ограде монастыря вплотную подступают воды Раифского озера, переданные характерными волнистыми линиями. Не забыто и изображение Иордани над озером, для водоосвящения, положенного отправлять в известные дни года, также описанное архимандритом Даниилом.

Справа, за стеной монастыря, изображен ряд срубов под двускатными крышами — не что иное как кирпичные сараи, возведенные во время восстановления монастыря после большого пожара.

Верхнее поле крышки ковчега венчает изображение Троицы ветхозаветной на облаках, образующих в своей избыточной прихотливой пышности некое подобие барочного картуша. В углу слева — изображение десницы облачной, благословляющей монастырь, изображенный ниже.

Троица входила в число престольных праздников монастыря. Ежегодно в день Святой Троицы совершался ход с чудотворной

иконой Божьей Матери «Грузинская» в подгородные слободы Казани и на Пороховой завод.

Изображение ветхозаветной Троицы на облаках и десницы облачной — устойчивая иконографическая традиция иконописи, меднолитой пластики, заставок старопечатных книг. Столь же распространенным становится с XVII века и изображение архитектурных монастырских ансамблей, не только в стилизованном виде в житийных клеймах икон, но и как самостоятельная важная составляющая часть общей композиции средника икон, таких, например, как Зосима и Савватий Соловецкие, Макарий Желтоводский, Серафим Саровский и другие. Встречаются подобные изображения и на иконах, вышедших из иконописной мастерской Казанского Богородичного монастыря. Эта традиция подхвачена иконописцами конца XX — начала XXI веков. Такова, например, икона Божьей Матери «Игуменья святой горы Зилантовой» в Троицком соборе Зилантова монастыря. Собрание старых икон Раифского монастыря сохранилось далеко не полностью, и это не позволяет ответить на вопрос: были ли в нем иконы с изображением само-

го монастыря? Бесспорно лишь, что чеканная крышка ковчега приобщает Раифу к этой иконографической традиции.

В целом, композиция крышки ковчега соединила в одном поле нижнюю, земную часть Раифской обители с окружающим ее ландшафтом и верхнюю, небесную, с изображением Троицы и благословляющей десницы, благодаря чему вся композиция обрела некий сакральный смысл, наглядно показывая монастырь под Божией защитой.

Достоверных документированных сведений о том, когда именно было положено начало хождениям с чудотворной иконой Грузинской Божией Матери по селам и деревням епархии неизвестно. Архимандрит Даниил в своем «Путешествии ...» ссылается на древнее предание, согласно которому впервые при митрополите Лаврентии икона выносилась в Свияжск по молитвенному прошению его жителей об избавлении от моровой язвы. При этом отец Даниил подчеркивал, что ход с чудотворной иконой в Свияжск есть первый и древнейший. Много позже, архимандрит Раифской Пустыни Амвросий (Боголюбов), писал в

своем донесении в консисторию, что «обыкновение выносить икону Грузинской Божией Матери из Раифской Пустыни в города, села и деревни есть древнее и не запмятное никем, и ходы сии всегда производятся по усердию и словесным просьбам жителей» Такую подробную географию и хронологию ношения иконы в XIX веке привел Евфимий Александрович Малов в своем историческом описании Раифской Богородицкой пустыни (Малов Е.А. Раифская Богородицкая пустынь Казанской епархии. Историческое описание. — Казань. 1880): «С Троицына дня и до Воздвижения икона носилась в деревню Белую Казанского уезда, в село Ключи, в сельцо Ивановское, в деревню Осиновую, Новую Туру, Займище, подгородную деревню Игумново, в казанские слободы — Макарьевскую, Екатерининскую, Адмиралтейскую, в село Ягодное, на Пороховой завод, казанские волжские пристани, в деревню Караваево, село Ильинское, в деревню Айшу, в Зеленый Дол, Одинцово, Васильево, город Свияжск, в села Юматово, Косяково, Ширданы». Так что ход со святой иконой продолжался иногда довольно долго. Анализируя ряд документов консистории, связанных с крестными ходами

Изготовлен ковчег в размер чудотворной иконы Божией Матери «Грузинская» из серебра 84 пробы в Казани, что удостоверяют клейма пробирера Казанской пробирной палаты Михаила Усова – «М.У» 1830 г. и клеймо с изображением Зиланта (знака Казанской пробирной палаты). Клеймо с именем мастера-серебряника – «ИП» расшифровать не удалось. Кроме того, на ковчеге процарапана надпись «Весу 15 фун (фунтов) 28 золот (золотников)»

и ношением чудотворных икон, Е. А. Малов пришел к выводу, что до 1826 года икона Божией Матери «Грузинская» не носилась в Казань, и лишь принимая во внимание что « нужды Раифской Богородицкой пустыни (...) весьма велики, ибо здания оной по ветхости своей требуют починки и возобновления» консистория дала разрешение на принесение иконы в Казань, а в 1838 году и в Чебоксары. Не это ли обстоятельство — разрешение принесения чудотворной иконы в Казань — могло послужить поводом для создания достойного святыни предмета для ее сохранения и укрытия в виде ковчега? Бытование подобного рода предметов зафиксировали каталоги древнерусского искусства различных

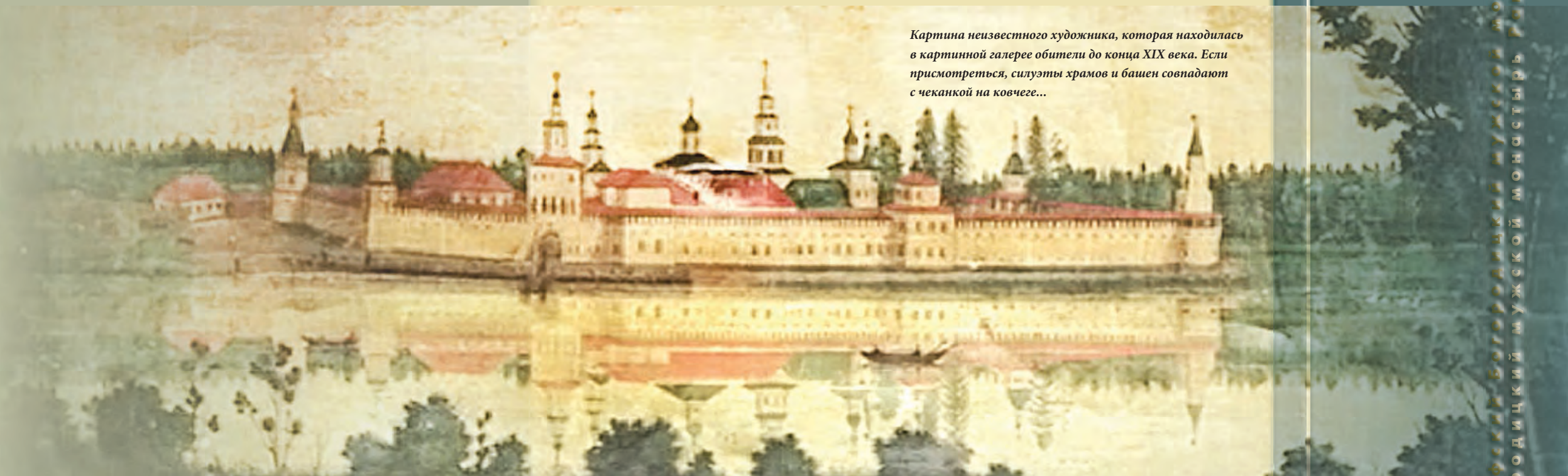
музейных собраний, но среди работ казанских серебряников аналогов ему нет (См.: Произведения московских серебряников первой половины XVIII в.: Каталог. — М. Федеральное гос. учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». — 2003).

Известно, что архиепископ Казанский и Свияжский Филарет (Амфитеатров) усердно заботился об украшении и благоустройстве Раифской Пустыни. Тем более, что помимо сугубо утилитарной функции ковчег заключал в себе и иные значения. В христианской церковной истории образ ковчега получил метафорическое раскрытие в

рамках рассмотрения таких важных для христианского богословия понятий, как святыня, посредничество между Богом и человеком, символ сокровенной духовной жизни христианина, а также интерпретации его как символа Богородицы, посредством которой произошло воплощение Бога Слова. В православном богослужении и гимнографии Пресвятую Богородицу величают «Ковчегом позлащенным духом», «невещественным ковчегом Святыни».

Несмотря на ряд вопросов в связи с историей происхождения, создания, иконографических и художественно-стилистических особенностей этого уникального экспоната музея Раифского монастыря остающихся без ответа, он со всей очевидностью открывает новую страницу в истории казанского серебряного дела и бытования Раифской святыни — иконы Божией Матери «Грузинская».

Картина неизвестного художника, которая находилась в картинной галерее обители до конца XIX века. Если присмотреться, силуэты храмов и башен совпадают с чеканкой на ковчеге...

Т. В. Мамаева

ИСТОРИЯ В БАШНЕ:
в Раифской обители
открылся музей
монастыря

стр.186-193

5

публицистика

публицистика

ИСТОРИЯ В БЯШНЕ

**Татьяна
Мамаева,**
журналист,
искусствовед

Раритет XVII века и карта, объединившая ... Синайский полуостров и местечко в Зеленодольском районе, история монаха Филарета, показанная на потолке, и раритеты из собрания Национального музея РТ и Госархива республики – в Раифском Богородицком мужском монастыре открылся первый, но самый большой по площади, музейный зал, рассказывающий о том, как возникала обитель и о первом времени ее существования.

**В ноябре 2019 году возрасте 66 лет ушла из жизни журналист
Татьяна Валентиновна МАМАЕВА.**

Митрополит ФЕОФАН:

«Татьяна была ярким, талантливым и разносторонне одаренным человеком. Ее материалы отличались искренностью, объективностью, правдивостью, смысловой целостностью и законченностью. Всегда поражала ее широкая эрудиция и разносторонность мышления. Ее душа была светлой и чистой и всегда тянулась к Богу.

Она помогла многим людям найти дорогу к храму, выбрать свой жизненный путь, наполненный любовью к православной вере и нашему Отечеству».

В память об журналисте, которая информационно поддерживала Раифский монастырь с самых первых дней его возрождения, предлагаем вниманию читателей один из ее последних материалов в интернет-издании «Ральное Время» – об открытии первого зала музея Раифского монастыря – в июле 2019 года.

Башня слева от колокольни, в нескольких десятках метров от озера, которая много лет пустовала, сейчас становится одним из самых посещаемых мест в Раифском монастыре

«ЗДЕСЬ МОЖНО УЗНАТЬ ИСТОРИЮ НАШЕЙ ГЛАВНОЙ СВЯТЫНИ»

Башня слева от колокольни, в нескольких десятках метров от озера, которая много лет пустовала, сейчас становится одним из самых посещаемых мест в Раифском монастыре. Здесь принял первых посетителей музей истории обители. Вход в него с территории монастыря, указатель с надписью славянской вязью стоит слева, сразу за церковной лавкой.

Слева у стены — открытые бойницы, их обнаружили при реставрации башни, предназначенной для размещения музея, но они были заложены кирпичом. Можно предположить, что заложили их в то время, когда на территории монастыря была колония для ребят-правонарушителей, чтобы колонисты не убежали. Бойницы было решено открыть, и стена приняла первоначальный вид. Рядом со стеной — как-то вдруг, неожиданно возникший симпатичный газон.

Несколько ступенек вниз, к двери в башню, и мы в круглом зале музея, экспозиция здесь рассказывает об основании монастыря в Раифе до начала XVIII века. Первый зал — самый большой по площади, всего

же залов будет четыре, их общая площадь около 100 квадратных метров. Над созданием музея работали дизайнеры студии Сергея Насекина и заместитель директора Свяжского музея-заповедника Елена Карташева.

«Первый зал посвящен истории зарождения монастыря, истории древней Раифской обители на Синайском полуострове, от которой наш монастырь получил название. Он рассказывает о первых благодетелях, святителях Лаврентии, Тихоне и Адриане, они дали благословение и помогли в строительстве монастыря, здесь же можно узнать историю нашей главной святыни — Грузинской иконы Богородицы», — рассказал наместник Раифского монастыря игумен Гавриил (Рожнов).

«РАБОТАЮТ» И ПОЛ, И ПОТОЛОК»

Центр зала — макет Раифского монастыря, выполненный мастерской Сергея Насекина. Как разъяснил дизайнер, на макете Раифа середины позапрошлого века, хотя сам зал посвящен более раннему времени. Но, к сожалению, практически нет полной информации о том, как выглядел монастырь в XVIII и XVII

веках, поэтому пришлось пойти на такой небольшой компромисс. Пол центра зала украшает карта Раифы и окрестностей — до самой Казани и Свияжска.

«В XVIII веке карт было уже много, на нашей карте животные, которых вы видите, деревья, условные обозначения рек, селений, выполнены в стилистике именно XVIII века. Участок, который мы изобразили на карте, нам пришлось немного ужать, но он соответствует тем топографическим принципам, которые тогда были», — пояснил Сергей Насекин. Помещение небольшое, дизайнерам пришлось проявить выдумку и придумать, как разместить максимальное количество экспонатов. Поэтому «работают» и пол, и стены, и даже потолок. И — любимая фишка компании Насекина — плоскость, на которой размещен макет обители, снабжена выдвижными ящиками, в каждом из них, выдвинув, можно увидеть интереснейшую копию того или иного документа из Госхрана или Нацмузея, касающегося Раифского монастыря.

НАЗВАНИЕ ПРИШЛО С СИНАЯ

Как известно, Раифская обитель была основана в 1613 году монахом

Центр первого зала музея истории монастыря

Филаретом, пришедшим в Казань из Москвы в поисках уединения. Путешествуя по лесам, он набрел на берег озера, где, по преданию, увидел пролившийся с неба столп света. И поняв, что это знак свыше, решил остаться на этом месте, где через некоторое время основал монашескую обитель. Первый деревянный храм был освящен в честь святых отцов в Синае и Раифе изобитенных. Был такой трагический эпизод на заре христианства, когда в местечке Раифа на Синайском полуострове были забиты язычниками первые христиане.

В память об этом событии на одной из стен музея — карта, где дизайнеры изобразили рядом и Синайский полуостров, и нашу Раифу, словно соединив их в веках. На потолке первого зала демонстрируется фильм, посвященный Раифе.

Окна башни превращены в витрины, и между экспонатами, расположенными в этих витринах, и событиями фильма, есть связь. Когда в фильме, например, пойдет речь о Грузинской иконе Богородицы, луч света точно упадет на ту самую витрину, где выставлена ее копия. Так и со многими другими экспонатами.

Кстати, один из самых главных раритетов нового музея — подлинное издание XVII века — откровения Иоанна Богослова. Есть здесь и уникальные копии документов из Госархива и Национального музея РТ, панатия XVII века из монастырской ризницы, старинные богослужебные книги, облачения, фотографии и многое другое.

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ

Одной из трудностей при создании музея был ремонт башни — она стоит совсем рядом с озером, и закрытое помещение было сырым. Пришлось проводить гидроизоляцию башни, потом класть плитку, штукатурить стены. По словам игумена Гавриила, спонсоров не привлекали, обошлись собственными средствами.

Всего в музее будет четыре уровня. Второй посвящен золотому времени обители — XVIII и XIX векам. Третий — трагическим годам гонения. Кстати, атмосфера безбожия на третьем уровне будет подчеркнута эмоционально — здесь нет окон. И, наконец, четвертый уровень будет посвящен главному строителю обители в ее новейший период, человеку, возродившему ее, — архимандриту Всеволоду,

покинувшему этот мир в августе 2016 года.

Сделать музей Раифской обители было его давним желанием, которое он не успел воплотить, и, к счастью, дело продолжил и вложил в него много души и сердца его преемник — игумен Гавриил. Создать зал, посвященный архимандриту Всеволоду, благословил митрополит Казанский и Татарстанский владыка Феофан.

Верхние уровни музея будут связаны внутренней винтовой лестницей, а с четвертого уровня можно будет выйти на смотровую площадку и увидеть сегодняшнюю Раифу. Как рассказал игумен Гавриил, вход в музей для туристов и паломников будет бесплатным, желающие смогут оставить пожертвование на содержание музея, опустив его в кружку. Оставшиеся три уровня музея будут открыты еще до конца лета.

Ну, а помолвившись в раифских храмах, осмотрев экспозицию музея, теперь можно выпить чаю или пообедать в «Монастырской трапезной», деревянное кафе в русском стиле братия монастыря открыла на берегу озера возле Дома паломника.

Один из раритетов нового музея — подлинное издание XVII века — откровения Иоанна Богослова. Есть здесь и уникальные копии документов из Госархива и Национального музея РТ, старинные богослужебные книги

ежегодное православное издание

**Издание представляет интерес
для широкого круга читателей**

Формат 170x240

Бумага

офсет и мелованная 90 г/м

Печать офсетная

Тираж 100 экз.

**Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии ООО «Вертола»:
г. Йошкар-Ола, ул. Толстого, 45**

Заказ №

от 30.12.2019

© Раифский Богородицкий мужской монастырь.

Все права защищены.

Копирование, тиражирование и использование в любой форме посредством любых систем воспроизведения содержания Альманаха без письменного разрешения редакции не допускается.